

БАРАТЫНСКИЙ

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Малая серия - Второе издание

Редакционная коллегия.

И. А. ГРУЗДЕВ, В. П. ДРУЗИН,
А. М. ЕГОЛИН, Л. А. ПЛОТКИН,
А. А. ПРОКОФЬЕВ, В. М. САЯНОВ,
И. В. СЕРГИЕВСКИЙ, Г. Э. СОРОКИН,
Н. С. ТИХОНОВ

Советский Писатель

Е. БАРАТЫНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья.

редакция

и примечания

Е. Н. КУПРЕЯНОВОЙ

Малая серия № 65

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

1

В историю русской поэзии Баратынский вошел как самый крупный и самобытный поэт пушкинского окружения.

Баратынский, Дельвиг, Языков и другие менее значительные поэты «Плеяды», вступившие в литературу в конце 10-х — начале 20-х годов прошлого века, при всем своеобразии своих поэтических дарований, были связаны друг с другом и с Пушкиным известной общностью идейных и творческих устремлений. Они принадлежали к одному литературному поколению и внесли в русскую поэзию жизнеутверждающие настроения эпохи декабризма.

Поражение декабрьского восстания, знаменовавшее крушение вольнолюбивых надежд, лишило членов «Плеяды» былого единства. В условиях последекабрьской реакции идейные и творческие пути поэтов «Плеяды» разошлись. Преодолев романтизм, Пушкин вышел на широкий путь реалистического искусства, до конца своих

дней оставаясь человеком и художником передовой политической мысли. Дельви́г умер в 1831 году. Языков к концу своей поэтической деятельности пришел в стан славянофильской реакции.

Перед Баратынским лежал особый путь. Одинаково далекий и от остроты политической мысли Пушкина и от славянофильской реакционности Языкова, он встал на путь философского осмысления последекабрьской действительности и в 30-е—40-е годы дал русской поэзии превосходные образцы философской лирики.

Личная судьба Баратынского сложилась также довольно необычно.

Баратынский родился (19 февраля 1800 года) и провел свои детские годы в имении Мара (Тамбовской губ., Кирсановского уезда), принадлежавшем его отцу, Абраму Андреевичу, генерал-лейтенанту павловской службы в отставке. По обычаям того времени Баратынский получил первоначальное образование дома под руководством учителя-итальянца Жьячинто Боргезе. Будучи сам очень малообразованным человеком, этот дядька-итальянец не мог дать своему воспитаннику широких и основательных познаний. Кроме прекрасного знания французского языка и французской классической литературы, Баратынский не вынес из домашних занятий почти ничего.

На одиннадцатом году жизни Баратынский потерял отца. Через два года после

этого он был отправлен матерью в Петербург для поступления в Пажеский корпус. Для того чтобы подготовиться к вступительным экзаменам, Баратынский проучился несколько месяцев в одном из частных петербургских пансионеров; он был зачислен в Пажеский корпус в конце декабря 1812 г.

К своим корпусным обязанностям Баратынский относился небрежно. Он постоянно попадал на замечание, в одном из классов остался на второй год.

В 1815 году он сближается с пажами Ханьковым, Приклонским, Креницыным. Друзья увлекаются «Разбойниками» Шиллера, образуют в подражание им «общество мстителей», проводят время в тайных «пиршествах» и шалостях, направленных против корпусного начальства и педагогов. Дело кончается катастрофой. В апреле 1816 года Баратынского исключают из корпуса за совершенную совместно с товарищами мальчишескую выходку, впрочем, довольно серьезную. Эта история обошлась Баратынскому дорого. Исключение из корпуса сопровождалось личным приказом Александра I, запретившим принимать Баратынского на какую бы то ни было государственную службу, кроме как на военную — рядовым.

Вслед за этим Баратынский покидает Петербург и живет частью в Маре, частью в Подвойском, смоленском имении дяди Богдана Андреевича Баратынского, которому он был

отдан на попечение. На протяжении этого времени родственники пытаются хлопотать о снятии с Баратынского наложенного Александром I наказания. Хлопоты остаются без результата. Осенью 1818 года Баратынский едет в Петербург с намерением поступить на военную службу рядовым.

К этому времени его поэтические способности уже в достаточной мере определились.

Очень скоро по приезде, через своих старых корпусных товарищей, главным образом через поэта Креницына, Баратынский сближается с поэтами лицейского кружка, с Дельвигом, Кюхельбекером, Пушкиным и др. Он становится завсегдатаем их дружеских вечеринок, устраивавшихся по большей части у лицейского старосты М. Яковлева. Знакомство с Дельвигом переходит вскоре в тесную дружбу. Дельвиг, уже известный в то время в литературе, сразу угадал в Баратынском достойного собрата по перу.

Материальные дела Баратынского в это время были плохи. Имение после смерти отца пришло в упадок. Мать, обремененная многочисленными детьми, была стеснена в средствах.

В начале 1819 г. Баратынский поступает в лейб-гвардии Егерский полк рядовым, но с правом жить на частной квартире. Он поселяется вместе с Дельвигом.

Одинаково преданные поэзии, одинаково материально необеспеченные и равнодушные

литературной мысли. Вопросы политического преобразования России, ее благосостояние и просвещение, вопросы национальной самобытности русской культуры и, прежде всего, литературы — все это, тесно переплетаясь одно с другим, волновало умы. Росло и ширилось движение декабризма. Россия покрывалась сетью тайных политических обществ. Одно за другим возникали в Петербурге литературные общества, негласно руководимые теми же декабристами. На страницах литературно-общественных журналов шла оживленная полемика. С особой страстностью обсуждались вопросы настоящего и будущего русской поэзии как ведущей области национальной культуры.

В этой оживленной идейной атмосфере творческое дарование Баратынского, равно как и дарование его литературных друзей, — Пушкина, Дельвига, — развивалось и крепло необычайно быстро. Уже к концу 1819 года Баратынский завоевывает в среде молодых поэтов пушкинского круга одно из первых мест.

В начале 1820 года в жизни Баратынского опять наступает резкий перелом. 4 января он производится в унтер-офицеры с переводом в Нейшлотский пехотный полк, стоявший в Финляндии. Баратынский принужден покинуть Петербург и отправиться к месту новой службы в крепость Кюмень (в трехстах километрах от Петербурга).

В Финляндии Баратынский пробыл четыре года с лишним. Хотя сам он и его литературные друзья смотрели на это как на «изгнание», почти ссылку, служба и пребывание в Финляндии не оторвали поэта от его среды. Подневольное положение унтер-офицера было подневольным только формально. Баратынский жил в доме командира Нейшлотского полка А. Г. Лутковского на правах своего человека и пользовался его вниманием и заботами. Ротный командир Баратынского, поэт Н. М. Коншин, вскоре стал его ближайшим другом. Баратынский получал частые и продолжительные отпуска, которые проводил в Петербурге. Петербургские друзья неоднократно навещали его в Финляндии.

Круг литературных знакомств Баратынского в годы «финляндского изгнания» неизменно расширяется. В 1823 г. Баратынский тесно сближается с издателями «Полярной Звезды» Рылеевым и А. Бестужевым. Он вращается в близких к декабристам кругах и разделяет общераспространенное в эти годы среди передовой дворянской молодежи недовольство политикой Александра I.

Политическое свободомыслие молодого Баратынского было довольно неопределенно и расплывчато и почти совсем (за исключением эпиграммы на Аракчеева и эпилога к поэме «Эда») не отразилось на его творчестве конца 10-х и начала 20-х годов.

Тем не менее Баратынский был поэтом идейно близким декабризму. Вольнолюбивые настроения эпохи декабризма не исчерпывались стремлением к одной только политической свободе. Существенное место занимал в них идеал духовной свободы и независимости человеческой личности. В русской поэзии конца 10-х и начала 20-х годов получают распространение жанры дружеских посланий, любовной элегии и поэтических «мелочей». Эти жанры были привиты русской поэзии крупнейшими представителями предыдущих литературных поколений — Карамзиным, Дмитриевым, Жуковским, Батюшковым. У поэтов поколения Пушкина и Баратынского они пронизываются пафосом того широкого, пылкого вольнолюбия, которым дышала передовая дворянская молодежь в годы нарастания декабрьского движения. Культ дружбы и любви, силы чувства и гордой независимой мысли, утверждение самоценности человеческой личности, свободной от светских условностей и предрассудков, убежденность в могучей, облагораживающей силе искусства, — таков в основном круг тем и настроений, с которыми Баратынский и его поэтические друзья вступили в литературу.

Пронизывая лирическое творчество молодого Баратынского, дух этого, — пусть несколько неопределенного, — но несомненного и пылкого вольнолюбия выразился и в по-

эме «Пирь» — этом своеобразном гимне молодости, дружбы и любви, написанном поэтом уже в годы его «финляндского изгнания».

Как поэт Баратынский растет в эти годы необычайно быстро. Современников поразила зрелость и сила его финляндских произведений по сравнению с известными ранее. Первое из них, элегия «Финляндия» (1820 г.), принесло ему широкую литературную известность, установило за ним славу зрелого поэта. Оно создало ему репутацию «певца Финляндии», сохраненную им до самой смерти.

В конце 1824 года Баратынский уже готовит к печати собрание своих стихотворений и поручает издание его Рылееву и Бестужеву (издание не осуществилось из-за декабрьских событий 1825 года).

Несмотря на то, что жизнь в Финляндии несколько не препятствовала всем этим литературным успехам и не была тяжела в бытовом отношении, Баратынский чрезвычайно тяготился ею. Больше всего его тяготил контраст между его литературным значением и юридически бесправным положением унтер-офицера.

Все годы, проведенные в Финляндии, Баратынский и его друзья неустанно хлопочут о снятии с него наказания.

Усиленно хлопотали за Баратынского Жуковский, А. И. Тургенев, Вяземский, Д. Давыдов.

Все эти хлопоты долгое время оставались тщетны. Только в апреле 1825 года Баратынский получил долгожданный офицерский чин. Приказом от 21-го числа он был произведен в прапорщики. Это открывало перед ним возможность служебной карьеры и свободы передвижения.

Пребывание в Финляндии перестало быть принудительным.

В октябре 1825 года Баратынский едет в Москву в отпуск на четыре месяца. В Финляндию он больше не вернулся. Отцовское имение, приведенное в полный упадок управлением матери, требовало немедленного вмешательства в хозяйственные дела. 31-го января 1826 г. Баратынский выходит в отставку и поселяется в Москве в доме своей матери.

Связь Баратынского с Москвой была закреплена его женитьбой на Анастасии Львовне Энгельгардт, дочери генерал-майора павловской службы в отставке и подмосковного помещика. Бракосочетание состоялось 9 июня 1826 года. Брак принес Баратынскому, до того бедному отставному прапорщику с запятнанной репутацией, упрочение материального положения и признание в московском дворянском обществе.

Вскоре пошли дети (всех было 8 человек, из них двое умерло). Семейные интересы и радости, хозяйственные заботы все больше затягивают Баратынского.

В 1827 году Баратынский выпустил сборник своих стихотворений. Этот сборник явился завершением и как бы итогом первого периода творчества поэта.

2

В творчестве молодого Баратынского элегия занимает центральное место. В первые же годы своей поэтической деятельности Баратынский завоевывает славу первоклассного элегика. Так, в 1822 г. Пушкин пишет о Баратынском Вяземскому: «Признайся, что он превзойдет и Парни, и Батюшкова — если впредь зашагает, как шаггал до сих пор. Ведь 23 года счастливцу. Оставим все ему эротическое¹ поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет».

При этом же мнении Пушкин оставался и позднее: «Первые произведения Баратынского, — писал он в 1827 году, — были элегии, и в этом роде он первенствует».

Элегическое творчество Баратынского формировалось под прямым и непосредственным влиянием Батюшкова. Однако Баратынский был не только учеником и последователем Батюшкова. Восприняв от Батюшкова весь арсенал традиционных элегических тем: лю-

---

¹ Т. е. поприще любовной элегической поэзии.

бовь, ее радости и страдания (см. «Возвращение», «Ожидание», «Разлука», «Поцелуй» и др.), уныние разочарованной или умирающей юности (см. «Разуверение», «Уныние», «Падение листьев»), а также тончайшую технику элегического стиха, его особое интонационно-ритмическое строение, «точное» и лексически однородное слово, Баратынский внес новое как в содержание, так и в строение элегического жанра.

Лиризм элегий Батюшкова в значительной мере условен. Это лиризм вообще, лиризм самой темы, лишенный какой-либо личной характеристики и определенности. Элегии Батюшкова целиком укладываются в круг готовых заимствованных элегических тем. У Баратынского эти же самые темы получают новую, отличную от Батюшкова трактовку. До некоторой степени они наполняются индивидуальным содержанием. Во-первых, в ряде случаев, они обрастают намеками на широко-известные факты личной биографии Баратынского — «финляндского изгнанника», гармонирующие с эмоциональным обликом элегического героя. Не случайно, что литературную известность принесла Баратынскому элегия «Финляндия». Во-вторых и в главных, этот безличный у Батюшкова элегический герой — «пылкий» или «унылый» юноша — наделяется у Баратынского новыми чертами: он не только «пылко» чувствует, но и мыслит, размышляет

над своими чувствами. Этим путем элегическая тема раскрывается Баратынским в новом индивидуально-психологическом плане, обрастает рядом тонких психологических деталей (см. «Ропот», «Уныние», «Размолвка», «Отъезд», особенно же «Оправдание» и «Признание»). В элегиях Батюшкова тема раскрывается прямолинейно, в каком-либо одном эмоциональном тоне — радости, печали, уныния и т. п. У Баратынского тема получает новые и иногда неожиданные эмоциональные оттенки.

Попутно с этим Баратынский отходит и от присущих Батюшкову приподнятости лирического тона и декоративности описаний. Тон его элегий сдержанней и глубже (ср. «Разлуку» Баратынского с близкой к ней по теме и восходящей к тому же источнику элегий Батюшкова «Как счастье медленно приходит»).

Живописные описания, на фоне которых разворачиваются у Батюшкова переживания лирического героя, как то: «Дикий бор» — «В зеленом сумраке развесистых дерев, Где льется в воздухе сирен благоуханье. И облако цветов скрывает свод небес...» («Мщение»), или — «Страна», где «Тирас бьет излучистой струей, сверкая между гор, Церерой позлащенных...» («Разлука») и т. п., сменяются у Баратынского гораздо более скромными, реалистическими деталями и подробностями, подчас весьма прозаического, бытового характера: «роща» и «в волосах

листок нескромный» («Возвращение»), «балы городские» и «безумный вальс» («Оправдание»); «обдуманый брак», венчание в «храме» («Признание») и т. п.

Элегии Баратынского создали ему своеобразный поэтический облик пылкого и много испытавшего юноши, не только сильночувствующего, но и склонного к глубокому и грустному раздумью. Личная судьба Баратынского, «финляндского изгнанника», содействовала тому, что лирический герой его стихотворений, сливаясь с личностью их автора, воспринимался современниками как «вольнолюбивая» жертва «самовластья». Это способствовало широкой популярности Баратынского и успеху его творчества в годы нарастания декабрьского движения.

Поэтический облик Баратынского подкрепляется и его многочисленными посланиями к Дельвигу, Коншину и другим друзьям-поэтам. Традиционные для жанра дружеских посланий мотивы дружбы и любви, пылкости чувства и свободы мысли осложнились у Баратынского элементами грусти и размышления и закрепили за ним репутацию «певца пиров и грусти томной». Так назвал Баратынского Пушкин в VI главе «Евгения Онегина». Он имел при этом в виду поэму Баратынского «Пир» (1820 г.), в которой своеобразие поэтического облика молодого Баратынского выразилось с наибольшей яркостью.

Этими, отмеченными Пушкиным, сторонами своего элегического творчества Баратынский и был близок к возглавляемой молодым Пушкиным романтической группировке, требовавшей от поэзии изображения сильно мыслящей и чувствующей личности. Присущие же наряду с этим романтизму начала 20-х гг. бунтарские темы и настроения, хотя и отразились в творчестве молодого Баратынского, но в слабой и незначительной форме. В лирике они исчерпываются бунтарскими настроениями финляндских элегий «Буря» и «Водопад» и навеянной чтением Байрона особой философичностью «Череп» и «Рима».

С другой стороны, у Баратынского очень сильны в эти годы элементы дидактизма и рассудочности. Законом классицизма следует Баратынский в своих дидактических (поучительных) посланиях «Гнедичу» (1823) и «Богдановичу» (1824). С особой тщательностью он культивирует жанр «поэтических мелочей».

По своим эстетическим вкусам и взглядам, по самому рационалистическому складу своего поэтического мышления и слова Баратынский этого времени во многом ближе к классикам, чем к романтикам.

Поэтическое слово предстает молодому Баратынскому прежде всего как орудие выражения «мысли». Стилистическая задача сводится при этом к максимальной точно-

сти поэтического выражения, полного соответствия слова и мысли. «Что касается до слога, — писал по этому поводу Баратынский в 1827 г., — то надобно помнить, что мы для того пишем, чтобы передать друг другу свои мысли: если мы выражаемся не точно, нас понимают ошибочно: для чего же писать?».

Говоря о «мысли», Баратынский понимает это слово, как нечто, объединяющее всю сумму того, что подлежит поэтическому выражению и в этом отношении не противопоставляет «мысли» — «чувству». Однако, в полном соответствии с духом рационалистической эстетики классицизма, само «чувство», т. е. переживание эмоционального порядка, он стремится выразить в формах, подчиненных рациональному началу «мысли», «ума».

Именно этой задачей определяется упорная и многократная переработка молодым Баратынским своих известных уже в печати стихотворений.

«Гордость ума и право сердца, — писал в связи с этим Баратынский в 1827 г. — в борьбе беспрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминаниям чувства, с которым она написана — переправкой гордишься потому, что победил умом сердечное чувство».

На практике это стремление «умом победить сердечное чувство» приводило к преодолению батюшковских принципов раскрытия лирической и, прежде всего, элегической

темы путем подчинения характерного для Батюшкова свободного, интонационно-эмоционального развития темы четкому и выпуклому синтаксическому строению.

Вот, например, элегия Баратынского «Разлука» в том виде, как она была напечатана впервые в 1820 г.

На краткий миг пленяет в жизни радость,
Невидимо мелькают счастья дни;
Едва блеснут—и скроются они!
На краткий миг узнал любви я сладость:
О милый друг, тебя уж нет со мной!
Уж он исчез—блаженства сон мгновенной,
И я один, и на груди стесненной
Лежит тоска разлуки годовой.
Где вы, где вы, любви очарования?
Не вечность ли меж нами протекла?
Ужель на час мне счастьем жизнь была?
Ужель одни остались мне желанья?
Я все имел, лишился вдруг всего:
Едва уснул—исчезло сновиденье.
Одно теперь унылое смущенье,
Осталось мне от счастья моего!

Синтаксическое членение здесь почти неощутимо. Стихотворение распадается на как бы независимые обособленные эмоционально-смысловые единства, естественными границами которых служит отдельный стих. Связь между этими стихами осуществляется преимущественно путем параллелизма — типичного для Батюшкова приема.

В окончательной редакции (1827) Баратынский сжимает все стихотворение в два предложения, занимающие по равному числу (по четыре) стихов. Первое предложение-четверостишие вводит нас в тему, второе является ее выводом, заключением. Вот эта редакция:

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем;
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон . . . исчезло сновиденье;
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

Синтаксическая конструкция как бы составляет композиционную основу стихотворения и подчиняет себе отдельные стихи, в первой редакции — самодовлеющие. В результате создается впечатление чисто логической стройности стихотворения, хотя реальных логических связей как между предложениями, так и между отдельными стихами здесь и нет.

Если в элегиях Баратынский был связан в этом отношении эмоциональностью самой темы и жанра, то в стихотворениях, стоявших за пределами элегической традиции, он доводит стройность и четкость логического развития темы до предела. Характерным

примером этого может служить стихотворение «Две доли».

Отход Баратынского от батюшковских принципов раскрытия лирической темы, его стремление к четкости логического строения стиха воспринимались современниками как возврат к традициям и принципам «рассудочной» поэзии классицизма. Как архаичский пережиток тех же тенденций воспринималось и стремление Баратынского к некоторой «щеголеватости», афористичности выражения к чисто словесной игре. Отчасти это стремление сказалось и в элегиях Баратынского, и в изящных афористических концовках сентенционного, обычно, характера.

Приверженность Баратынского к устарелой уже в русской поэзии классической традиции, медленность перехода на романтические позиции начинает вызывать в середине 20-х годов неудовольствие и разочарование со стороны его ближайших литературных друзей. В 1825 г. А. Бестужев пишет Пушкину: «Что касается до Баратынского, я перестал веровать в его талант». В том же плане, хотя и более осторожно, высказывается Дельвиг в письме к Пушкину 1824 г.: «Послание Богдановичу, — писал он, — исполнено красотами. Но ты угадал, оно в несчастном роде дидактическом... Что делать? Это пройдет! Баратынский недавно познакомился с романтиками, а пра-

вила французской школы всосал с материнским молоком».

Таким образом, в середине 20-х гг. положение Баратынского в литературе двойственно и противоречиво. Всеми своими литературно-дружескими отношениями он связан с романтической группировкой. Его элегическое творчество воспринимается читателями и критикой в плане утверждения новой пушкинской романтической школы. С другой стороны, именно внутри самой романтической группировки Баратынского зовут «классиком» и «маркизом», упрекают в отставании от выдвинутых романтическим течением задач.

Склонность молодого Баратынского к «рассудочности» не может быть, однако, объяснена одним только влиянием на него правил и образцов поэзии классицизма. На этих правилах и образцах воспитывалось большинство поэтов его круга и поколения, и все они, так или иначе, преодолели эти влияния еще в ученические годы своего творчества. Склонность Баратынского к рассудочности была органичной. Более того: в этой склонности и проявилось уже тогда, в начале 20-х годов, индивидуальное своеобразие его поэтического мышления, раскрывшегося во всей силе только в 30-е — 40-е годы. Первым человеком, понявшим и отметившим поэтическое своеобразие Баратынского, был Пушкин.

В своих набросках (1830—1831 гг.) статьи о Баратынском Пушкин писал: «он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко».

Отмеченная Пушкиным «оригинальность», т. е. самобытность поэтической мысли Баратынского вывела его в 30-е годы на путь философской лирики, лирики больших, философских тем.

Однако, как об этом уже говорилось выше, элемент философского раздумья присутствует и в раннем творчестве Баратынского. Среди многочисленных элегий, написанных Баратынским в эти годы, мы встречаем несколько стихотворений, не укладывающихся в жанровую систему 20-х годов. Среди них особенно выделяются два: «Истина» — первоначально названное Баратынским «одой», а потом включенное в сборнике 1827 года в 1-ю книгу элегий, и «Две доли», вошедшее в ту же книгу элегий, но первоначально носившее заглавие «стансы». И по теме, и по форме выпадая из системы элегического жанра, оба эти стихотворения содержат уже в себе отличительные особенности поздней безжанровой философской лирики Баратынского. Лирический монолог окрашен в них в торжественные ораторские тона. Традиционные элегические образы и

выражения («счастье», «земные радости», «разочарование», «хлад души» и т. д.) получают в них новое значение. Они обозначают уже не то или другое конкретное психологическое состояние лирического героя в данной, опять-таки конкретной жизненной ситуации, а отвлеченное представление о человеческой судьбе вообще, обреченной — по представлению Баратынского — извечными законами бытия на неразрешимое по существу и трагическое противоречие между обманчивостью радостных надежд и волнением сердца, и убивающим душу «мертвящим хладом» жизненного опыта и истины.

Логическое, рассудочное развитие темы доведено в этих стихотворениях до предела. Оно держится на прямом противопоставлении логически и эмоционально противоположных одно другому представлений: «страстный» и «бесстрастность», «сердца жар» и «суровый хлад души», «земные радости» и «могилы мир печальный» («Истина»), «Надежда и волнение» и «безнадежность и покой», «кипящие юноши», «надежда обольщающая» и «хлад спасительный бездейственной души» («Две доли»).

Посвященные одной и той же теме соотношения в человеке мысли и чувства, опыта и надежды, эти стихотворения намечают и основную тематическую струю поздней лирики Баратынского.

Эта-то обнаружившаяся, но еще не развившаяся в начале 20-х годов склонность Баратынского к философскому осмыслению и логическому развитию поэтических тем и заставляла современников видеть в нем запоздалого приверженца рассудочной поэзии классицизма, «француза» и «маркиза».

Друзья ждали от Баратынского произведений, посвященных темам широкого идеологического порядка. На эти требования и ожидания Баратынский ответил поэмой «Эда».

Он начал писать ее осенью 1824 г. В начале 1826 г. поэма вышла в свет. Она была задумана в плане преодоления манеры южных поэм Пушкина. Это Баратынский подчеркивал в предисловии к «Эде»: «Следовать за Пушкиным ему (т. е. автору. — Е. К.) показалось труднее и отважнее, нежели идти новою собственною дорогою». Вместе с тем «Эда» по замыслу Баратынского должна была явиться именно романтической поэмой. Ее центральным заданием было изображение «романтической» судьбы героини. Независимость же от Пушкина выразилась в попытке принципиально иного подхода к этой центральной проблеме, проблеме романтического героя. Героям «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» — людям необыкновенной судьбы и исключительной, богатой бурными переживаниями и страстями индивидуальности, Ба-

ратынский противопоставил обыденную судьбу крестьянской девушки, финляндки Эды, и ее соблазнителя, примитивного повесы — гусара; пушкинским описаниям экзотической южной природы и яркого быта южных народов — суровую северную природу Финляндии и простой быт финского крестьянства. «Ему (автору — Е. К.) казалось, — писал Баратынский по этому поводу в предисловии к поэме, — что в поэзии две противоположные дороги приводят почти к той же цели: очень необыкновенное и совершенно простое, равно поражая ум и равно занимая воображение».

Сознательно и демонстративно отталкиваясь от «необыкновенности» героев и положений пушкинских поэм, Баратынский стремился в «Эде» к углубленному психологическому раскрытию простых, «обыкновенных», лишенных внешней занимательности и эффективности образов своих героев. В этом отношении для самого Баратынского «Эда» не явилась принципиально «новой дорогой». Она была лишь попыткой воплощения давно уже намечавшихся в его элегиях тенденций психологического, говоря словами одного из критиков, «миниатюрного изображения души человеческой» в новых повествовательных формах актуального жанра романтической поэмы. В противовес пушкинским принципам построения сюжета и раскрытия героя в наиболее ответственных моментах его

судьбы и переживаний, Баратынский прослеживает внутреннюю трагедию и внешнюю судьбу Эды шаг за шагом. Он показывает пробуждение и нарастание любовного чувства, преобразующего Эду из невинной веселой девушки в страстную женщину, изнемогающую в борьбе между чувством и долгом, борьбе, приводящей ее к гибели. Именно эту особенность «Эды» подчеркивал Пушкин в 1830—1831 гг., т. е. как раз в то время, когда сам разрешал задачу психологического раскрытия человеческого характера: «Перечтите сию простую восхитительную повесть, — писал он, — вы увидите, с какой глубиной чувства развита в ней женская любовь». Однако Баратынскому не удалось создать в «Эде» нового романтического характера. Стремясь быть не похожим на Пушкина, он воскресил в «Эде» архаический и не только чуждый, но и враждебный романтической фабуле образ героини сентиментальных романов XVIII, начала XIX вв. Традиционность образа Эды, напомилавшей, в частности, «Бедную Лизу» Карамзина, заслонила от современников намечавшиеся в поэме тенденции психологического раскрытия героя. «Эду» упрекали в «непоэтичности», «бедности» ее темы.

С другой стороны, отталкивание от Пушкина было слишком прямолинейно. Несмотря на внешнюю противоположность, вернее благодаря ее прямолинейности, сюжет «Эды»

воскрешал в памяти сюжет «Кавказского пленника». В итоге «Эда», хотя и вызвала ряд похвал и, в частности, восторженный отзыв самого Пушкина, не только не встала в ряд с пушкинскими поэмами, но вызвала упреки в прямом и неудачном подражании им. Сам Баратынский, понимая свою неудачу, писал: «Я хотел быть оригинальным, а оказался только странным».

3

Неуспех «Эды» был началом падения поэтической популярности Баратынского. В это же примерно время (конец 1825, начало 1826 г.) он вступает в полосу тяжелого душевного кризиса.

Переезд в Москву осенью 1825 года был вынужден семейными обстоятельствами. Все литературные и дружеские связи поэта оставались в Петербурге. По сравнению с Петербургом литературная жизнь Москвы была гораздо беднее. В ней господствовали традиции и интересы, чуждые Баратынскому. Тяжелое чувство идейного одиночества, охватившее поэта в первые месяцы московской жизни, усугубилось трагическими событиями поражения декабрьского восстания 1825 года. Друг Рылеева и Александра Бестужева, друг Кюхельбекера, Баратынский воспринял разгром, казни и ссылки декабристов не только как общественную, но и как лич-

ную катастрофу, как крушение всех вольнолюбивых надежд и стремлений своей юности.

Ко благу пылкое стремленье
От века было мне дано,
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?
Я братьев знал, но сны молодые
Соединяли нас на миг,
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других. . .

Так формулировал Баратынский свое духовное родство с сосланными декабристами в стихотворении «Стансы» (1827 г.).

Первым человеком, с которым Баратынский сблизился в Москве, был Вяземский. Вяземский ввел Баратынского в круг участников журнала Н. Полевого «Московский Телеграф» и в дом Зинаиды Волконской, являвшийся в это время средоточием литературной и светской жизни Москвы. В доме Волконской у Баратынского завязывается ряд литературных знакомств. В их числе знакомство с Адамом Мицкевичем и молодыми московскими литераторами, так называемыми «любомудрами» — И. В. Киреевским, Шевыревым, Веневитиновым и др.

Сближение с любомудрами оказало известное влияние на дальнейшее развитие творчества Баратынского.

Любомудры были романтиками философско-идеалистической ориентировки. Основным

путем развития русской поэзии они считали поэзию больших отвлеченных философских тем, а создание такой поэзии — своей практической задачей. В своих стихах и теоретических статьях они уделяли особенно много места теме поэта и его высокого назначения как глашатая глубоких и вечных философских истин. «Идеальный» мир философии и поэзии они ставили выше реального мира действительной жизни и приравнивали поэта к пророку, а поэтический дар к небесному вдохновению.

Собственно философские, идеалистические позиции Любомудров были глубоко чужды Баратынскому. Но выдвигавшийся ими лозунг философской поэзии до известной степени отвечал его собственным творческим устремлениям. Ощущая себя после разгрома декабрьского восстания осколком разбитого корабля, он нашел в кругу Любомудров нравственную поддержку.

С этого времени (с конца 20-х годов) и примерно до середины 30-х годов Баратынский находится как бы на перепутьи. Его творческие устремления все время раздваиваются. С одной стороны, он следует по направлению, проложенному его старыми литературными друзьями, романтиками начала 20-х годов, Пушкиным преимущественно. В 1828 году он выпускает свою вторую поэму «Бал» в одной книжке с «Графом Нулиным» Пушкина, и в 1831 г. — третью

и последнюю — «Наложница». В отличие от «Эды» действие этих поэм разворачивается в обстановке жизни и быта московского света. Задание же по существу оставалось тем же, что и в «Эде». Создавая образы Нины Воронской («Бал») и Елецкого («Наложница»), Баратынский стремился найти средства психологического раскрытия романтического героя. Однако и здесь Баратынскому не удалось сказать нового слова. Он не сумел отойти от тематической схемы семейной драмы с кровавой развязкой, схемы, введенной в русскую литературу «Цыганами» Пушкина. Не новы были и образы героев этих поэм.

Если «Бал» имел некоторый успех, то «Наложница» вместе с предпосланным ей предисловием, в котором Баратынский отстаивал право автора на правдивое изображение «низкого» и «грязного», встретила единодушное осуждение.

Поэму упрекали в «низости» сюжета, «грубости» языка и неестественности интриги.

Неуспех «Наложницы» заставил Баратынского навсегда отказаться от дальнейших опытов в этом роде.

В то же время Баратынский связан в эти годы с целым рядом журнально-издательских предприятий. В 1828 г. он участвует в «Московском Телеграфе» Н. Полевого, в 1829 г. близок к редакционному кругу журнала Любомудров «Московский Вестник».

В том же 1829 году он предполагает вместе с Вяземским издать нечто среднее между альманахом и журналом. Этот проект, однако, не осуществился.

На протяжении 1830 года Баратынский находится в числе участников «Литературной газеты» Дельвига и целиком разделяет ее платформу. Однако связи Баратынского с кругом «Литературной газеты», с кругом его старых друзей и единомышленников в это время уже слабеют и не ими определяется уже дальнейшая эволюция его творчества.

В конце 20-х годов Баратынский создает ряд стихотворений, по своему отвлеченно-философскому характеру близких поэтической программе Любомудров. Таковы стихотворения «Смерть», «Подражателям» и «Последняя смерть». Особо показательным в этом отношении стихотворение «Подражателям». Эпиграмматически заостренное против эпигонов пушкинской школы, стихотворение одновременно декларировало характерное для романтической эстетики Любомудров понимание искусства, исключавшее из сферы художественной деятельности какой бы то ни было элемент «подражательности». Если учесть, что с точки зрения эстетики классицизма «подражание» было законной формой творческой деятельности, если учесть, что сам молодой Баратынский открыто «подражал» классическим и элегическим образ-

цам, то стихотворение «Подражателям» приобретает значение поворотного стихотворения, свидетельствующего о пересмотре Баратынским своих старых позиций.

В начале 30-х гг. Баратынский создает целый ряд стихотворений, посвященных выдвинутой любомудрами теме творческого самосознания поэта. Таковы стихотворения: «В дни безграничных увлечений», «Болящий дух врачует песнопенье», «Когда исчезнет отречение» и др. Поэтическая терминология и образы этих стихотворений, как то: поэт, в душе которого заключен «идеал прекрасных соразмерностей», т. е. идея красоты; поэт, жаждущий «даровать жизни согласие (т. е. гармонию) своей лиры», «поэзия святая», дарующая «чистоту и мир причастице своей»; «таинственная власть гармонии» и т. п. — характерны для поэзии и эстетики любомудров.

Из любомудров особое влияние на Баратынского оказал И. В. Киреевский. Их знакомство перешло вскоре в тесную дружбу. В 1832 году Баратынский принимает ближайшее участие в журнале Киреевского «Европеец».

В доме Киреевских Баратынский сближается с приехавшим в 1829 году из Дерпта Н. М. Языковым. Круг московских друзей Киреевского становится постепенно кругом Баратынского. Так, в 1829 году он знакомится с Д. Н. Свербеевым, в 1830 г.

с В. Ф. Одоевским, постоянно жившим в Петербурге, но сохранившим тесную дружескую и литературную связь с москвичами. Можно предполагать, что к 1832 г. относится знакомство с А. Хомяковым, в отношении 1833 г. установленное. Наконец, в том же 1832 г. Баратынский знакомится с М. Орловым, некогда видным декабристом. Именно этот круг новых знакомств заставляет Баратынского в его письме 1832 г. из деревни к матери Киреевского, А. П. Елагиной, «сожалеть о Москве», где к тому времени «собралось столько людей», ему «знакомых и любезных».

Киреевский, Кошелев, Хомяков, Баратынский, Чаадаев и М. Орлов — все это были люди, так или иначе скомпрометированные в глазах правительства и оказавшиеся к началу 30-х гг. за пределами официальной общественно-политической жизни. В то же время эти люди осознавали себя носителями передовой интеллектуальной культуры и не скрывали как своей оппозиции общественно-политическим формам николаевской России, так и презрения к пустоте и бессодержательности быта своей социальной среды — московского «света». Они чуждались общения с светскими кругами и замыкались в узком кругу дружеских литературных объединений. Господствовавшие здесь в 30-е годы философские воззрения во многом продолжали воззрения любомудров конца 20-х годов.

В 1835 году московские друзья Баратынского предпринимают издание журнала «Московский Наблюдатель». Баратынский был в числе организаторов-пайщиков журнала и поместил в его первом номере стихотворение «Последний поэт», носившее программный для издания характер.

В кругу участников «Московского Наблюдателя» он оставался до конца 30-х годов. Целиком разделяя общественную позицию этого круга, его оппозиционность николаевскому строю и казённой и светской «культуре», Баратынский остается, однако, чужд философско-идеалистическим крайностям исповедуемых здесь воззрений. В нем еще сильны идеологические тенденции его юности, мешавшие ему целиком отказаться от взгляда на литературу и на собственное творчество как: на сферу культурной деятельности, отвечающей общественным в широком смысле этого слова задачам своего времени. В то же время, считая николаевскую Россию для себя, как и для всякого поэта, «необитаемой» страной, он не видит перед собой путей к разрешению этих задач. На этой основе возникает у Баратынского пессимистическая теория «индивидуальной поэзии», толкавшая его к мысли о необходимости закончить свою поэтическую деятельность. Сообщая в 1832 г. о принятом им издании собрания своих стихотворений, Баратынский писал Вяземскому:

«Кажется, оно и в самом деле будет последним, и я к нему ничего не прибавлю. Время индивидуальной поэзии прошло, другой еще не созрело». Что именно разумел Баратынский, говоря об «индивидуальной поэзии», выясняется из его письма того же 1832 г. к И. В. Киреевскому. Отвечая на отзыв Киреевского о политической лирике времени французской революции 1830 года, Баратынский писал:

«Для создания новой поэзии именно недоставало новых сердечных убеждений просвещенного фанатизма. Это, как я вижу, явилось в Барбье. Но вряд ли он найдет у нас отзыв. Поэзия веры не для нас. Мы так далеки от сферы новой деятельности, что весьма не полно ее разумеем и еще менее чувствуем. На европейских энтузиастов мы смотрим почти так, как трезвые на пьяных, и ежели порывы их иногда понятны нашему уму, они почти не увлекают сердца. Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубляться в себя. Вот покамест наше назначение».

Говоря об «европейских энтузиастах», Баратынский имел в виду деятелей июльской революции, к числу которых он причислял и поэта Барбье.

Как видно из письма, революционная борьба на Западе оставляла Баратынского равнодушным, в то время как сам он чувствовал себя человеком, «свергшим старые кумиры и не уверовавшим в новые», очевидно разумея при этом крушение декабристской идеологии 20-х гг. Считая единственно возможным для себя путем «индивидуальную поэзию», Баратынский отчетливо сознавал, что нового слова он в ней не скажет.

4

Дальнейшее развитие творчества Баратынского не пошло, однако, по линии «индивидуальной поэзии». К середине 30-х гг. Баратынский выходит на новый путь, путь подлинно философской лирики большого идейного напряжения и пафоса. И эта лирика явилась вполне самобытным и новым словом в русской поэзии, глубоко отличным от поэтической практики сторонников и теоретиков философской поэзии — Любомудров.

Вопреки всем своим философским и эстетическим декларациям, Любомудры не сумели осуществить свою программу на практике. Объявив поэта учителем жизни, глашатаем высоких истин, они не сумели воплотить этот основной для них принцип на деле и, без конца говоря о нем в своих стихах, превратили его из творческого

принципа в довольно навязчивую тему. Эту тему они не сумели связать с реальным содержанием окружавшей их жизни, не сумели дать философского осмысления ее явлений. Это как раз и сделал Баратынский.

Его поздняя лирика проникнута стремлением осознать свое место, свою судьбу, судьбу большого и искреннего поэта, страстно преданного интересам русской национальной культуры в условиях николаевской реакции и общественной депрессии не находящего себе ни сочувствия, ни признания.

Изданное в 1835 году двухтомное собрание стихотворений и поэм Баратынского прошло незамеченным.

В своей судьбе Баратынский был не одинок. Вместе с ним терял из года в год свой былой успех в дворянских кругах друг его юности, Пушкин. Одновременно с этим не находило в светском обществе отклика и признания молодое дарование Лермонтова.

Законодателями литературных вкусов и мнений стараются стать в 30-е годы безидейные, раболепствующие перед правительством, а иногда и его прямые агенты, торгаши от литературы, Булгарин, Греч и им подобные. И для Баратынского вопрос о его личной поэтической судьбе стал вопросом о судьбах подлинного искусства в усло-

виях торгашеского безидейного корыстного «века».

В 1842 году Баратынский издал третий и последний сборник своих стихотворений «Сумерки». Сборник включал стихотворения 1835—1841 гг., и все они говорили, в сущности, об одном: о сумерках, о закате подлинного искусства, не находящего себе ни отклика, ни признания среди «тробового хлада света» («Рифма»).

Уже в стихотворении «Последний поэт», открывающем сборник, Баратынский ставит вопрос о том, что несет духовной культуре человечества капиталистическая цивилизация.

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята
Исчезнувшей при свете просвещенья
Поэзии младенческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы...

говорит Баратынский в первых строках «Последнего поэта». И эти строки, равно как и весь сборник в целом, звучат надгробным гимном духовной культуре, гибнущей под железными шагами «промышленного» века.

Это был протест, исходивший из традиций дворянского мироощущения, далекий от демократических тенденций, протест безнадежный и трагический.

Пессимистическое отношение к отечественной современности, к ее мещански-торгашеским тенденциям и поддерживающему их правительственному курсу сочеталось у Баратынского с не менее пессимистическим отношением к бездушной цивилизации буржуазного Запада. И это сообщало лирике «Сумерек» глубоко трагический характер.

В свете этих больших и сложных проблем воспринимал Баратынский не только свою судьбу, но и трагическую судьбу других лучших людей своего времени. В 1836 году над кругом «Московского Наблюдателя» пронеслась правительственная гроза, лишившая одного из видных его членов, П. Я. Чаадаева, прав гражданства. За статью, резко критиковавшую современное состояние России, Чаадаев был подвержен домашнему аресту и объявлен сумасшедшим. Через несколько месяцев после этого был убит Пушкин. Эти события были отражены и философски обобщены Баратынским в одном из самых замечательных его стихотворений, в «Осени». Его заключительные строки, их безысходный пессимизм подсказаны Баратынскому не только его личной судьбой, но и трагической судьбой Пушкина и Чаадаева:

Зима идет, и тошная земля
В широких лысынях бессилья,
И радостно блиставшие поля,
Златыми класами обилья,

Со смертью жизнь, богатство с нищетой,
Все образы години бывшей
Сравниются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей.
Перед тобой таков отныне свет,
Ни в чем тебе грядущей жатвы нет.

В отличие от поэтов-любомудров, Баратынский не изрекал в своих стихах отвлеченных философских истин. Не приемля современную ему действительность, он не отворачивался от нее, не замыкался подобно любомудрам в воображаемом мире искусства и отвлеченной мысли. Наоборот, при всей своей на первый взгляд отвлеченности, поздние стихотворения Баратынского являются непосредственным и скорбным откликом на те или другие события или явления текущей жизни. Правда, диапазон этих событий и явлений, попадавших в орбиту поэтической мысли Баратынского, довольно узок. Не все они столь значительны, как отраженные в стихотворении «Осень». Больше того, часто они довольно мелки. Но Баратынский силен не столько значительностью описываемого явления, сколько мыслью и чувством, выраженными по поводу того или другого явления. И в этом-то и заключается своеобразие философской лирики Баратынского, как правило, отправляющейся от вполне конкретного, а часто и незначительного жизненного случая или повода, растворяющегося и как

бы исчезающего в высказанной по его поводу поэтической мысли. Трудно поверить, чтобы такие замечательные и глубокие стихотворения, как «На посев леса», «Люблю я вас, богиня пенья» и многие другие, вызваны «пакостями, которые творили ему московские литераторы» (Плетнев.) А между тем — биографически — это так. Особенно характерны и своеобразны в этом отношении поздние философские эпиграммы Баратынского. Будучи по существу именно эпиграммами на литературных недругов поэта, эти стихотворения лишены всех принятых особенностей эпиграмм и облечены в форму поэтических монологов, в которых вызвавший их повод по большей части даже не назван, а остается только обобщающее осмысление его, мысль как таковая (см. «Коттерии», «Когда твой голос, о поэт»).

Будучи подлинным и большим художником, Баратынский жаждал широкого общественного применения своих поэтических сил, хотя и знал, что в годы николаевской реакции, в годы, вызванные ею общественной немоты и инертности, это было невозможно.

Когда на греческий амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил, и славословил он,
Или оплакивал народную фортуна,
И устремлялися все взоры на него,
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом;

Он знал, кто он, он ведасть мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.
Но нашей мысли торжищ нет,
Но нашей мысли нет Форума . . . —

писал Баратынский в стихотворении «Рифма».

События последних лет жизни поэта еще более усугубили его духовное одиночество. Примерно к началу 40-х годов пути Баратынского и его немногочисленных, но близких до того друзей расходятся. Отказавшись в силу ряда причин и, прежде всего, в силу неуспеха «Московского Наблюдателя» от его издания в 1838 г., Киреевский и его друзья быстро эволюционируют в последующие годы к позиции открытого славянофильства. Баратынский же до конца сохранял закваску дворянского либерализма 20-х гг. И когда его прежние друзья и единомышленники организовали в 1841 г. издание славянофильского органа «Москвитянин», Баратынский не только остался в стороне от этого предприятия, но и оказался вне круга его участников. Этот идеологический разрыв, вылившийся в форму разрыва личных отношений, в том числе и с Киреевским, Баратынский чрезвычайно тяжело переживал до конца жизни. Положение осложнялось какими-то неясными сплетнями, ходившими в связи с этим по Москве и заставлявшими Баратынского подозревать по

отношению к себе организованную травлю со стороны круга «Москвитянина». Большинство стихотворений Баратынского начала 40-х гг. содержит в себе намеки на эти трагические для него обстоятельства.

С этого времени Баратынский окончательно замыкается в семейном кругу, отходит от литературы и с головой погружается в хозяйственные заботы. На протяжении 1841—1842 гг. он по собственным чертежам и планам строит дом в Муранове — подмосковном имении жены. Одновременно строит в Муранове «машинную» лесопилку, сводит, продает и подсаживает лес.

Упрочившееся материальное благополучие дало Баратынскому возможность осуществить свое давнишнее желание — путешествие по Европе. В сентябре 1843 года Баратынский уехал с семьей через Петербург за границу. Его путь лежал в Италию через Германию и Францию. По дороге Баратынский посетил Берлин, Дрезден, Лейпциг, Франкфурт на Майне, осматривая музеи и исторические достопримечательности этих городов. В конце ноября 1843 года он приехал в Париж и прожил в нем до апреля следующего года.

В Париже он заводит знакомство с виднейшими литературными и общественными деятелями. В их числе Альфред де Виньи, Мериме, Нодье, Гизо, братья Тьери, Ламартин, Жорж Занд.

Однако в парижских салонах Баратынский чувствовал себя «холодным наблюдателем» и тяготился беспокойной жизнью города

Наибольшее удовлетворение дали ему встречи с молодыми русскими эмигрантами, друзьями Герцена, Н. Сатиным, Н. Огаревым, Н. Сазоновым, И. Головиным, оказавшими ему теплый прием и давшими в его честь обед. В этом кругу Баратынский нашел то, от неимения чего страдал в России, а именно: вполне сочувствующую и внимательную к нему аудиторию. Под этими впечатлениями, казавшимися ему залогом лучшего будущего, Баратынский уехал в апреле 1844 г. в Италию через Марсель.

По приезде в Италию Баратынский поселился в Неаполе.

Здесь, в целях восстановления расшатанного здоровья жены, он предполагал задержаться на два-три месяца, затем посетить Рим и к осени через Вену вернуться в Россию. Эти планы не осуществились. 29 июня (11 июля) того же 1844 г. Баратынский скорпостижно скончался в Неаполе.

В августе следующего года тело Баратынского было привезено в кипарисовом гробу морем из Неаполя в Петербург. 31 августа оно похоронено в Александро-Невской лавре на Тихвинском кладбище близ могил Крылова, Гнедича и Карамзина.

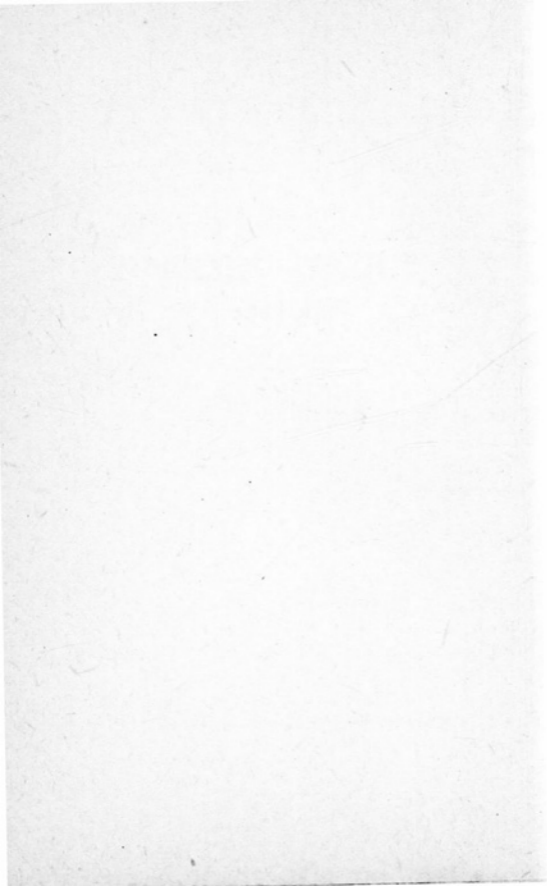
Смерть Баратынского прошла незаметно. Но среди «гробового хлада» света и критики раздался все же один голос, почтивший в умершем поэте глубокого и честного художника мысли. Это был голос Белинского. Указав и осудив односторонность непримиримого отношения Баратынского к «индустриальному» веку, Белинский писал:

«К чести г. Баратынского должно сказать, что элегический (т. е. грустный) тон его поэзии происходит от дум, от взгляда на жизнь и что этим самым он отличается от многих поэтов, вышедших на литературное поприще вместе с Пушкиным. Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место бесспорно принадлежит Баратынскому».

Е. Купрянова.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1819—1834

К КРЕНИЦИНУ

Товарищ радостей молодых,
Которые для нас безвременно увяли:
Я свиделся с тобой! В объятиях твоих
Мне дни минувшие, как смутный сон,
предстали.
О милый! я с тобой когда-то счастлив был!
Где время прежнее, где прежние мечтанья?
И живость детских чувств и сладость
упованья! —

Всё хладный опыт истребил.

Узнал ли друга ты? — Болезни и печали
Его состарили во цвете юных лет;
Уж много слабостей тебе знакомых нет,
Уж многие мечты ему чужими стали!

Рассудок тверже и верней,

Поступки, разговор скромнее:

Он осторожней стал, быть может, стал
умнее,

Но, верно, счастьем теперь стократ бедней.
Не подражай ему! иди своей тропою,
Живи для радости, для дружбы, для любви.

Цветок нашел — скорей сорви!

Цветы прелестны лишь весною!

Когда рассеянно, с унынием внимать

Я буду снам твоим о будущем, о счастье,
Когда в мечтах твоих не буду принимать,
Как прежде, пылкое, сердечное участие,
Не сетуй на меня, о друге пожалей:
Всё можно возвратить, — мечтанья не
возвратны!

Так! были некогда и мне они приятны,
Но быстро скрылись от очей.

Я легковверен был: надежда, наслажденья
Меня с улыбкою манили в темну даль,
Найти я радость мнил — нашел одну печаль,
И сердцу милое исчезло заблужденье.
Но для чего грустить? — Мой друг еще со
мною!

Я не всего лишен судьбой ожесточенной!
О дружба нежная! останься неизменной,
Пусть будет прочее мечтой!

[1819]

ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным:
Подобно им да будет он
Во все години неизменным!

Как всё вокруг меня пленяет чудно взор!
Там, необъятными водами,
Слилося море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
Сошел тяжелыми стопами,
Сошел — и смотрится в зеркале гладких вод!
Уж поздно, день погас, но ясен неба свод,
На скалы финские без мрака ночь нисходит
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество. Одиновых детей,
Грозы народов отдаленных!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвященных!

Умолк призывный щит, не слышен Скальда
глас,

Воспламененный дуб утас,
Развевял буйный ветер торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов,

И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики!

И всё вокруг меня в глубокой тишине!

О вы, носившие от берега к берегу бои,

Куда вы скрылися, полночные герои?

Ваш след исчез в родной стране.

Вы ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,

Плывете в облаках туманною толпой?

Вы ль? дайте мне ответ, услышите голос
мой,

Зовущий к вам среди молчанья ночи,

Сыны могучие сих грозных, вечных скал!

Как отделились вы от каменной отчизны?

Зачем печальны вы? зачем я прочитал

На лицах сумрачных улыбку укоризны?

И вы сокрылися в обители теней!

И ваши имена не пощадило время!

Что ж наши подвиги, что слава наших дней,

Что наше ветреное племя?

О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!

Для всех один закон, закон уничтоженья.

Во всем мне слышится таинственный привет

Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь
любя,

Я, беззаботливый душою,

Вострепещу ль перед судьбою?

Не вечный для времен, я вечен для себя:

Не одному ль воображенью

Гроза их что-то говорит?

Мгновенье мне принадлежит,

Как я принадлежу мгновенью!

Что нужды до былых иль будущих племен?

Я не для них бренчу незвонкими струнами;

Я, невнимаемый, довольно награжден

За звуки звуками, а за мечты мечтами.

[1820]

РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

[1820]

РОПОТ

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне.

[1820]

ПОСЛАНИЕ К БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ

Где ты, беспечный друг? где ты, о
Дельви́г мой,
Товарищ радостей минувших,
Товарищ ясных дней, недавно надо мной
Мечтой веселою мелькнувших?

Ужель душе твоей так скоро чуждым стал
Друг отлученный, друг далекой,
На финских берегах, между пустынных скал,
Бродящий с грустью одинокой?

Где ты, о Дельви́г мой! ужель минувших
дней
Лишь мне чувствительна утрата,
Ужель не ищешь ты в кругу своих друзей
Судьбой отторженного брата?

Ты помнишь ли те дни, когда рука с рукой,
Пылая жаждой сладострастья,
Мы жизни вверились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?

«Что в славе? что в молве? на время
жизнь дана!» —

За полной чашей мы твердили
И весело в струях блестящего вина
Забвенье сладостное пили.

И вот сгустилась ночь, и всё в глубоком
сне —

Лишь дышит влажная прохлада;
На стогнах тишина! сияют при луне
Дворцы и башни Петрограда.

К знакомцу доброму стучится Купидон,
Пусть дремлет труженик усталый!
«Проснися, юноша, отвергни, — шепчет он, —
Покой бесчувственный и вялый.

Взгляни! ты видишь ли: покинув ложе сна,
Перед окном полуодета,
Томленья страстного в душе своей полна,
Счастливица ждет моя Лилета?»

Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!
Блажен, кто легкою рукою
Весной умел срывать весенние цветы
И в мире жил с самим собою;

Кто без уныния глубоко жизнь постиг
И, равнодушием богатый,
За царство не отдаст покоя сладкий миг
И наслажденья миг крылатый!

Давно румяный Феб прогнал ночную тень,
Давно проснулись заботы,
А баловня забав еще покоит лень
На ложе неги и дремоты.

И Лила спит еще: любовью горят
Младые, свежие ланиты,
И, мнится, поцелуй сквозь тонкий сон манят
Ее уста полуоткрыты.

И где ж брега Невы? Где чаш веселый
стук?
Забыв друзьями друг заочной,
Исчезли радости, как в вихре слабый звук,
Как блеск зарницы полуночной!

И я, певец утех, пою утрату их,
И вокруг меня скалы суровы,
И воды чуждые шумят у ног моих,
И на ногах моих оковы.

К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Прости, поэт! судьбина вновь
Мне посох странника вручила;
Но к музам чистая любовь
Уж нас навек соединила!

Прости! бог весть — когда опять,
Желанный друг в гостях у друга,
Я счастье буду воспевать
И негу праздного досуга!

О милый мой! всё в дар тебе —
И грусть, и сладость упования!
Молись невидимой судьбе:
Она приблизит час свиданья.

И я, с пустынных финских гор,
В отчизне бранного Одена,
К ней возведу молящий взор,
Упав смиренно на колена.
Строга ль богиня будет к нам,
Пошлет ли весть соединенья? —
Пускай пред ней сольются там
Друзей согласные моленья!

18 января 1820

КОШИНУ

Поверь, мой милый друг, страданье нужно
нам,

Не испытав его, нельзя понять и счастья:

Живой источник сладострастья

Дарован в нем его сынам.

Одни ли радости отрадны и прелестны?

Одно ль веселье веселит?

Бездейственность души счастливых тяготит;

Им силы жизни неизвестны.

Не нам завидовать ленивым чувствам их:

Что в дружбе ветреной, в любви

однообразной

И в ощущениях слепых

Души рассеянной и праздной?

Счастливы мнимые, способны ль вы понять

Участья нежного сердечную услугу?

Способны ль чувствовать, как сладко

поверить

Печаль души своей внимательному другу?

Способны ль чувствовать, как дорог верный

друг?

Но кто постигнут роком гневным,

Чью душу тяготит мучительный недуг,

Тот дорожит врачом душевным.

Что, что дает любовь веселым шалунам?
Забаву легкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленья!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги,
Скажу ль? все раны, все недуги,
Всё расслабление души твоей больной;
Забыв и свет, и рок суровой,
Желанья смутные в одно желанье слить,
И на устах ее, в ее дыханьи пить
Целебный воздух жизни новой!
Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,
Счастливыцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

[1820]

ЭПИГРАММА

Поэт Писцов в стихах тяжеловат,
Но я люблю незлобного собрата:
Ей, ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата.

[1820]

**ДЕВУШКЕ,
КОТОРАЯ НА ВОПРОС: КАК ЕЕ ЗОВУТ!
ОТВЕЧАЛА: НЕ ЗНАЮ**

Незнаю, милая Незнаю!
Краса пленительна твоя:
Незнаю я предпочитаю
Всем тем, которых знаю я.

[1820]

К...

Приятель строгий, ты не прав,
Несправедливы толки злые;
Друзья веселья и забав,
Мы не повесы записные!
По своеволию страстей
Себе мы правил не слагали,
Но пылкой жизнью юных дней
Пока дышалось, дышали;
Любили шумные пиры;
Гостей веселых той поры
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарил.
Во имя лучших из богов,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пели счастье шалунов,
Сердечно презря крикунов
И их ревнивые обиды.
Мы пели счастье дней молодых,
Меж тем летела наша младость:
Порой задумывалась радость
В кругу поклонников своих;
В душе больной от пищи многой,
В душе усталой пламень гас,

И за стаканом в добрый час
Застал нас как-то опыт строгой.
Наперсниц наших, страстных дев
Мы поцелуи позабыли
И пред суровым оробев,
Утехи крылья опустили.
С тех пор, любезный, не поем
Мы безрассудные забавы,
Смиренно дни свои ведем
И ждем от света доброй славы.
Теперь вопрос я отдаю
Тебе на суд. Подумай, мы ли
Переменяли жизнь свою,
Иль годы нас переменяли?

[1821]

РИМ

Ты был ли, гордый Рим, земли
самовластитель,

Ты был ли, о свободный Рим?

К немym развалинам твоим

Подходит с грустию их чуждый навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?

За что, державный Рим! тебя забыли боги?

Град пышный, где твои чертоги,

Где сильные твои? о родина мужей!

Тебе ли изменил победы мощный гений?

Ты ль на распутии времен

Стоишь в позорище племен,

Как пышный саркофаг погибших поколений?

Кому еще грозишь с твоих семи холмов?

Судьбы ли всех держав ты грозный

возвеститель?

Или, как призрак-обвинитель,

Печальный предстоишь очам твоих сынов?

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный согласен.

Зачем, с безумным ожиданьем,
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

[1821]

ОТЪЕЗД

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум
И моря рев, и всё питает
Безумье мрачных дум;
Где, отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где позабыт молвой гремучей,
Но всё душой пиит,
Своею музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь, для сладкого свиданья
Спешу к стране родной;
В воображеньи край изгнанья
Последует за мной:
И камней мшистые громады,
И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!

Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размолвке с тихим счастьем
Провел мою весну,
Но где порою житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.

[182]

УНЫНИЕ

Рассеивает грусть пиров веселый шум.
Вчера, за чашей круговую,
Средь братьев полковых, в ней утопив свой
ум,
Хотел воскреснуть я душою.

Туман полуночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенистый бокал
С весельем буйным осушали.

Но что же? вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха мы хвалили,
Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.

Того не приобрести, что сердцем не дано.
Рок злобный к нам ревниво злобен:
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен!

[1821]

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь,
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больнова
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

[1821]

РОДИНА

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пусть другие чтут приличия законы;
Пусть другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастья, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею

родимой.

О дом отеческий! о край всегда любимой!
Родные небеса! незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране

чужой,

Вы мне повеете спокойствием и счастьем.

Как в пристани пловец, испытанный

ненастьем,

С улыбкой слушает, над бездною воссев,

И бури грозный свист, и волн мятежный

рев;

Так, небо не моля о почестях и злате,

Спокойный домосед в моей безвестной хате,

Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.

Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волнением учится, губя часы золотые,
Науке измерять окопы боевые:

Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий
бразды,

Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.

Оратай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.

А ты, мой старый друг, мой верный
доброхот,

Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!

Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;

Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет некою воскреснувшей природе,

С тяжелым заступом явлюся в огороде;
Приду с тобой садить коренья и цветы.

О подвиг благостный! не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней Фортуны!

Для них безвестный век, для них свирель
и струны;

Они доступны всем и мне за легкий труд

Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединенный,
И липу свежую и тополь осребренный;
В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой и мирную цевницу.

[1821]

КОНШИНУ

Псра покинуть, милый друг,
Знамена ветреной Киприды
И неизбежные обиды
Предупредить, пока досуг.
Чьих ожидать увещаний!
Мы лишены старинных прав
На своеволие забав,
На своеволие желаний.
Уж отлетает век молодой,
Уж сердце опытнее стало:
Теперь ни в чем, любезный мой,
Нам исступленья не пристало!
Оставим юным шалунам
Слепую жажду сладострастья;
Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.
Пресытись буйным наслажденьем,
Пресытись ласками Цирцей,
Шепчу я часто с умиленьем
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной

И чистым радостям души:
В чье неизменное участие
Беспечно веровал бы я,
Случится ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытия?
Где ж обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или с волненьем и тоскою
Ее напрасно я зову?
Или в печали одинокой
Я проведу остаток дней,
И тихий свет ее очей
Не озарит их тьмы глубокой,
Не озарит души моей?..

[1821]

ДЕЛЬВИГУ

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое;
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.

Похищенной искрой создание свое
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он презрел, — и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущениям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами
На брэнную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает...

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

[1821]

В АЛЬБОМ

Вы слишком многими любимы,
Чтобы возможно было вам
Знать, помнить всех по именам;
Сии листки необходимы;
Они не нужны были встарь;
Тогда не знали дружбы модной,
Тогда, бог весть! иной дикарь
Сердечный адрес-календарь
Почел бы выдумкой негодной.
Что толковать о старине?
Стихи готовы. Может статься,
Они для справки обо мне
Вам очень скоро пригодятся.

[1821]

ПОЦЕЛУИ

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой,
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

[1822]

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер; день погас.
Покинем рощу, где для нас
Часы летели как мгновенья!
Лель, улыбнись, когда из ней
Случится девице моей
Унесть во взорах пламень томный,
Мечту любви в душе своей
И в волосах листок нескромный.

[1822]

ДЕЛИИ

Зачем, о Делия! сердца молодые ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недосягаемого счастья?
Я видел вокруг тебя поклонников твоих,
Полуиссохших в страсти жадной:
Достигнув их любви, любовным клятвам их
Внимаешь ты с улыбкой хладной.
Обманывай слепцов и смейся их судьбе:
Теперь душа твоя в покое;
Придется некогда изведать и тебе
Очарованье роковое!
Не опасаясь насмешливых сетей,
Быть может, избранный тобою
Уже не вверится огню любви твоей,
Не тронется ее тоскою.
Когда ж пора придет, и розы красоты,
Вседневно свежестью беднея,
Погибнут, отвечай: к чему прибегнешь ты,
К чему, бесчарная Цирцея?
Искусством округлишь ты высохшую грудь,
Худые щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь как-нибудь
Вновь приманить... но не приманишь!

В замену снов молодых тебе не обрести
Покоя, поздних лет отрады;
Куда бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивые досады!
Немирного душой на мирном ложе сна
Так убегает усыпленье,
И где для каждого доступна тишина,
Страдальца ждет одно волненье.

[1822]

ДЕЛЬВИГУ

Дай руку мне, товарищ добрый мой,
Путем одним пойдем до двери гроба
И тщетно нам за грозною бедой
Беду грозней пошлет судьбины злоба.
Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал: ты дух мой оживил.
Надеждою возвышенной и новой:
Ты ввел меня в семейство добрых муз;
Дея досуг меж ими и тобою,
Я ль чувствовал ее свинцовый груз
И перед ней унился душою?
Ты сам порой глубокою печаль
В душе носил, но что? не мне ли вверить
Спешил ее? И дружба не всегда ль
Хоть несколько могла ее умерить?
Забытые фортуною слепой,
Мы ей на зло друг в друге всё имели
И, дружества твердя обет святой,
Бестрепетно в глаза судьбе глядели.
О, верь мне в том: чем жребий ни грозит,
Упорствуя в старинной неприязни,

Душа моя не ведает боязни,
Души моей ничто не изменит!
Так, милый друг! позволят ли мне боги
Ярмо забот сложить когда-нибудь
И весело на светлый мир взглянуть,
Попрежнему ль ко мне пребудут строги,
Всегда я твой. Судьей души моей
Ты должен быть и в вѣдро и в ненастье,
Удвоишь ты моих счастливых дней
Неполное без разделенья счастье;
В дни бедствия я знаю, где найти
Участие в судьбе своей тяжелой:
Чего ж робеть на жизненном пути?
Иду вперед с надеждою веселой.
Еще позволь желание одно
Мне произнестъ: молюся я судьбине,
Чтоб для тебя я стал хотя отныне,
Чем для меня ты стал уже давно.

ЛУТКОВСКОМУ

Влюбился я, полковник мой,
В твои военные рассказы;
Проказы жизни боевой
Никак веселые проказы!
Не презрю я в душе моей
Судьбою мирного лентяя;
Но мне война еще милей
И я люблю, тебя внимая,
Жужжанье пуль и звук мечей.
Как сердце жаждет бранной славы,
Как дух кипит, когда порой
Мне хвалит ратные забавы
Мой беззаботливый герой!
Прекрасный вид! в веселье диком
Вы мчитесь грозно... дым и гром!
Бегущий враг покрыт стыдом
И страшный бой, с победным кликом,
Вы запиваете вином!
А Епендорфские трофеи?
Проказник, счастливый вполне,
С веселым сыном Цитереи
Ты дружно жил и на войне!
Стоят враги толпою жадной
Кругом окопов городских;

Ты, воин мой, защитник их:
С тобой семьею безотрадной
Толпа красавиц молодых.
Ты сна не знаешь: чуть проглянул
День лучезарный сквозь туман,
Уж рыцарь мой на вражий стан
С дружиной быстрою нагрянул:
Врагам иль смерть, иль строгий плен!
Меж тем красавицы молодые
Пришли толпой, с высоких стен
Глядеть на игры боевые;
Сраженья вид ужасен им,
Дивятся подвигам твоим,
Шлют к небу теплые молитвы:
Да возвратится невредим
Любезный воин с лютой битвы!
О! кто бы жадно не купил
Молитвы сей покоем, кровью!
Но ты не раз увенчан был
И бранной славой и любовью.
Когда ж певцу дозволит рок
Узнать, как ты, веселье боя
И заслужить хотя листок
Из лавров милого героя?

ЭПИЛОГ

Чувствительны мне дружеские пени,
Но искренно забыл я Геликон
И признаюсь: неприхотливой лени
Мне нравится приманчивый закон;
Охота петь уж не владеет мною:
Она прошла, погасла, как любовь.
Опять любить, играть струнами вновь
Желал бы я, но утомлен душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
С бездействием любезен мне союз;
Лелеемый счастливым усыплением,
Я не хочу притворным исступлением
Обманывать ни юных дев, ни муз.

[1823]

РАЗМОЛВКА

Мне о любви твердила ты шутя,
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелен; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? печальней доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

[1823]

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальной.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.

Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.

Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной:

Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви, кто знает? изберу я.
На брак обдуманый я руку ей подам

И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим
снам,

И назову ее моею,
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевному прихотям мы воли не дадим:

Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим.

Прощай! Мы долго шли дорогою одною:
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со
мною.

Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Желтел печально злак полей,
Брега взрывал источник мутной,
И голосистый соловей
Умолкнул в роще бесприютной.
На преждевременный конец
Суровым роком обреченный,
Прощался так молодой певец
С дубравой, сердцу драгоценной:

«Судьба исполнилась моя,
Прости, убежище драгое!
О прорицанье роковое,
Твой страшный голос помню я:
— Готовься, юноша несчастной:
Во мраке осени ненастной
Глубокий мрак тебе грозит;
Уж он зияет из Эрева,
Последний лист падет со древа,
Твой час последний прозвучит! —
И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые
Минутной юности моей!
Покину всё, что сердцу мило.

Уж мглою небо обложило,
Уж поздних ветров слышен свист!
Что медлить? время наступило:
Вались, вались, поблекший лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой,
Вались, вались! мой холм могильный
От грустной матери сокрой!
Когда ж вечернею порою
К нему пустынною тропею,
Вдоль незабвенного ручья,
Придет поплакать надо мною
Подруга нежная моя:
Твой легкий шорох в чуткой сени,
На берегах Стигийских вод,
Моей обрадованной тени
Да возвестит ее приход!»

Сбылось! Увы! судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил,
Последний лист упал со древа,
Последний час его пробил.
Близ рощи той его могила!
С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила...
Не приходила дева к ней!

ЛЕТА

Душ холодных упование,
Неприятный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляет Элизей!
Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора
Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.

[1823]

ДВЕ ДОЛИ

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разноречающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите: крылья вам даны!
Для вас — и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный!
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов,
Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

[1823]

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Желанье счастья в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и земли,
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги;
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастье похожим
Отныне с рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожим.

[1823]

Избыток породил бездейственную лень.
На мир снотворную она нагнала тень,
И чадам роскоши, обремененным скукой,
Довольство бедности тягчайшей было мукой;
Искусства низошли на помощь к ним тогда:
Уже отвыкнувших от грубого труда,
К трудам возвышенным они воспламенили
И праздность упражнять роскошно научили;
Быть может, счастьем обязаны мы им.

Как беден страждущий бездействием своим!
Печальный, жалкий раб тупого усыпленья,
Не постигает он души употребленья,
В дремоту грубую всечасно погружен,
Отвыкнул чувствовать, отвыкнул мыслить
он,
На собственных пирах вздыхает он украдкой,
Что длятся для него мгновенья жизни
краткой.

Они в углу моем не длятся для меня.
Судьбу младенчески за строгость не вина
И взяв с тебя пример, поэзию, ученье
Призвал я украшать свое уединенье.
Леса угрюмые, громады мшистых гор,
Пришельца нового пугающие взор,
Чужих безбрежных вод свинцовая равнина,
Напевы грустные протяжных песен финна
Недолго, помню я, в печальной стороне
Печаль холодную вливали в душу мне.
Я победил ее, и, не убит неволей,
Еще я бытия владею лучшей долей,

Я мыслю, чувствую: для духа нет оков;
То вопрошаю я предания веков,
Всемирных перемен читаю в них причины;
Наставлен давнею превратностью судьбины,
Учусь покорствовать судьбине я своей;
То занят свойствами и нравами людей,
Поступков их ищу прямые побужденья,
Вникаю в сердце их, слежу его движенья,
И в сердце разуму отчет стараюсь дать!
То вдохновение, Парнаса благодать,
Мне душу радует восторгами своими:
На миг обворожен, на миг обманут ими,
Дышу свободнее, и лиру взяв свою,
И дружбу, и любовь, и негу я пою.

Осмеливаясь петь, я помню преткновенья
Самолюбивого искусства песнопенья;
Но всякому свое, и мать племен людских,
Усердья полная ко благу чад своих,
Природа, каждого дая особой страстью,
Нам разные пути прокладывает к счастью:
Кто блеском почестей пленен в душе своей;
Кто создан для войны и любит стук мечей;
Любезны песни мне. Когда-то для забавы,
Я, праздный, посетил Парнасские дубравы
И воды светлые Кастальского ручья;
Там к хорам чистых дев прислушивался я,
Там, очарованный, влюбился я в искусство
Другим передавать в согласных звуках
чувство,
И не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовью моей.

Так, скуку для себя считая бедством
главным,
Я духа предаюсь порывам своенравным;
Так, без усилия ведет меня мой ум
От чувства к шалости, к мечтам от важных
дум!

Но ни души моей восторги одиноки,
Ни любомудрия полезные уроки,
Ни песни мирные, ни легкие мечты,
Воображения случайные цветы,
Среди глухих лесов и скал моих унылых,
Не заменяют мне людей, для сердца милых,
И часто грустию невольною объят,
Увидеть бы желал я пышный Петроград,
Вести желал бы вновь свой век
непринужденной

В кругу детей искусств и неги
просвещенной,

Апелла, Фидия желал бы навещать;
С тобой желал бы я беседовать опять,
Муж, дарованьями, душою превосходный,
В стихах возвышенный и в сердце
благородный,

За то не в первый раз взываю я к богам,
Отдайте мне друзей: найду я счастье сам.

ПЕСНЯ

Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает благоухая
Цветущий мир,
И славит всё существованья сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
Перед тобой
Мелькающих в одеждах разноцветных,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь их томных взоров
сладость;
С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.

Будь новый день любимцу счастья
в сладость.

Душе моей
Противен он! что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?

Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор.

Обманчив он! его живая сладость
Душе моей

Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.

[1824]

ЗВЕЗДА

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна;
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очей,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном,
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ты назови своей звездой,
Что с думою глядит
И взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

[1824]

На их дурачества он жалуется им:
То укоризнами восстав на злодеянье,
Его приводит он в благое содроганье,
То едкой силою забавного словца
Смиряет попыхи надутого глупца;
Он нравов опекун и вместе правды воин.

Всё так; но кто владеть пером его достоин?
Острот затейливых, насмешек едких дар,
Язвительных стихов какой-то злобный жар
И их старательно подобранные звуки,
За беспристрастие забавные поруки!
Но если полную свободу мне дадут,
Того ль я утрашу, кому не страшен суд,
Кто в сердце должного укора не находит,
Кого и божий гнев в заботу не приводит,
Кого не оскорбит язвительный язык!
Он совесть усыпил, к позору он привык.

Но слушай: человек, всегда корысти
жадный,
Берется ли за труд наверно безнаградный?
Купец расчетливый из добрых барышей
Вверяет корабли случайностям морей,
Из платы, отогнав сладчайшую дремоту,
Поденщик до зари выходит на работу;
На славу громкую надеждою согрет,
В трудах возвышенных, возвышенный поэт;
Но рвенью моему что будет воздаяньем:
Не слава ль громкая? я беден дарованьем
Стараясь в некий ум соотчицей привести,
Я благодарность их мечтал бы приобрести,

Но право смысла нет во слове: благодарность,
Хоть нам и нравится его высокопарность.
Когда сей редкий муж, вельможа-гражданин
От дней Фелицыных оставшийся один,
Но смело дух его хранивший в веке новом,
Обширный разумом и сильный, громкий
словом,

Любовью к истине и к родине горя,
В советах не робел оспаривать царя,
Когда, прекрасному влечению послушный,
Внимать ему любил монарх великодушный,
Из благодарности о нем у тех и тех
Какие толки шли? — «Кричит он громче
всех,

О благе общества как будто бы хлопочет,
А право риторством похвастать больше
хочет;

Катоном смотрит он, но тонкого льстеца
От нас не утаит под строгостью лица».
Так, лучшим подвигам людское развращенье
Придумать силится дурное побужденье;
Так, исключительно посредственность любя,
Спешит высокое унизить до себя;
Так, самых доблестей завистливо трепещет
И, чтоб не верить им, на оные клеветает!

. . . . .
. . . . .

Нет, нет! разумный муж идет путем иным,
И, снисходительный к дурачествам людским
Не выставляет их, но сносит благонравно;
Он не пытается, уверенный забавно

Во всемогуществе болтанья своего,
Им в людях изменить людское естество.
Из нас, я думаю, не скажет ни единой
Осине: дубом будь, иль дубу — будь осиной;
Меж тем, как странны мы! меж тем любой
из нас

Переиначить свет задумывал не раз.

[1823]

ОПРАВДАНИЕ

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жен других...
Так! но когда их слух предубежденной
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умиленной,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживленной,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету,
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим; объемля жадной дланью
Их стройный стан; — так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!

Но к ним ли я любовь пылал?
Нет, милая! когда в уединеньи
Себя потом я тихо поверял:
Их находя в моем воображеньи,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости молодой,
Из-за угла Пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты всё еще обид своих полна...
Прости ж навек! но знай, что двух
виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

[1824]

БУРЯ

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревет, и черные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пенясь, в прибрежные скалы.

Чья неприяженная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмутив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геены властелин,
Что по вселенной розлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля трепещет перед ним:
Он небо заслонил огромными крылами
И двигает ревущими водами,
Бунтующим могуществом своим.

Иль вечным будет заточенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?

Но знай: красой далеких стран
Не очаровано мое воображенье:
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести!
Меж тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы бытия,
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их,
Она отраднее гордыне человека!
Как жаждал радостей младых
Я на заре молодого века,
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!
Волнуйся, восставай на каменные грани:
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.
[1824]

ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрег святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп желтый, пыльной!

Еще носил волос остатки он;
Я зрел на нем ход постепенный тленья.
Ужасный вид! как сильно поражен
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала:
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!

Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!

Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший.

Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное создание,
О человек! уверься наконец,
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Нам надобны и страсти, и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум, и тишину кладбища!

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит:
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

[1824]

ИСТИНА

О счастии с младенчества тоскуя,
Всё счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

Безумен ты и все твои желанья,
Мне первый опыт рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
Я дольний жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью!
(Вещала) захочу
И страстного отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный разлюбишь
И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая.
И горестно в ответ
Промолвил ей: о гостя роковая!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Всех радостей земных!
Твой мир, увы! могилы мир печальный,
И страшен для живых.

Нет, я не твой! в твоей науке строгой.
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине

Начнет бледнеть, и всё, что сердцу мило,
Забуть придется мне,

Явись тогда! раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети:
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель
ночи
Безропотно сойти.

[1824]

ЛЮБОВЬ

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но всё отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви, огонь живительный!
Все говорят: но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!
Кто заглушит воспоминания
О днях блаженства и страдания,
О чудных днях твоих, любовь?
Тогда я ожил бы для радости,
Для снов золотых цветущей младости,
Тебе открыл бы душу вновь.

[1824]

К...

Мне с упоением заметным
Глаза поднять на вас беда:
Вы их встречаете всегда
С лицом сердитым, неприветным.
Я полон страстною тоской,
Но нет! рассудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Ответа требовать не буду.
Не терпит бог молодых проказ,
Ланит увядших, впалых глаз.
Надежды были бы напрасны!
И к вам не ими я влеком,
Любуясь вами, как цветком,
И счастлив тем, что вы прекрасны.
Когда я в очи вам гляжу,
Предавшись нежному томленью,
Слегка о прошлом я тужу,
Но рад, что сердце нахожу
Еще способным к упоенью.
Меж мудрецами был чужак:
«Я мыслю, — пишет он, — итак,
Я несомненно существую».
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь: я пойму

Скорее истину такую.
Огнем, похищенным с небес,
Япетов сын (гласит преданье)
Одушевил свое созданье,
И наказал его Зевес
Неумолимый, Прометея
К скалам Кавказа приковал,
И сердце вран ему клевал;
Но дерзость жертвы разумея,
Кто приговор не осуждал?
В огне волшебных ваших взоров
Я занял сердца бытие:
Ваш гнев достойнее укоров,
Чем преступление мое;
Но не сержусь я, шутка водит
Моим догадливым пером:
Я захожу в ваш милый дом,
Как вольнодумец в храм заходит.
Душою праздный с давних пор,
Еще твержу любовный вздор,
Еще беру прельщенья меры,
Как по привычке прежних дней
Он ароматы жжет без веры
Богам, чужим душе своей.

[1824]

БОГДАНОВИЧУ

В садах Элизия, у вод счастливой Леты,
Где благоденствуют отжившие поэты,
О Душенькин поэт, прими мои стихи!
Никак в писатели попал я за грехи
И, надоев живым посланьями своими,
Несчастливым мертвецам скучать решаюсь

ими.

Нет нужды до того! хочу в досужный час
С тобой поговорить про русский наш

Парнас,

С тобой, поэт живой, затейливый и нежный,
Всегда пленительный, хоть несколько

небрежный,

Чертам заметнейшим лукавой остроты
Дающий милый вид сердечной простоты,
И часто наготу рисуя нам бесчинно,
Почти бесстыдным быть умеющий невинно.

Не хладной шалостью, но сердцем внушена,
Веселость ясная в стихах твоих видна;
Мечты игривые тобою были петы;
В печаль влюбились мы. Новейшие поэты
Не улыбаются в творениях своих,
И на лице земли всё как-то не по ним.

Ну что ж? поклон, да вон! увы, не в этом
дело;

Ни жить им, ни писать еще не надоело,
И правду без затей сказать тебе пора:
Пристала к музам их немецких муз хандра.
Жуковский виноват: он первый между нами
Вошел в содружество с германскими

певцами
И стал передавать, забывши божий страх,
Жизнехуленья их в пленительных стихах.
Прости ему господь! — Но что же! все
мараки

Ударилась потом в задумчивые враки,
У всех унынием оделось чело,
Душа увянула и сердце отцвело.
Как терпит публика безумие такое? —
Ты спросишь. Публике наскучило простое;
Мудреное теперь любезно для нее:
У века дряхлого испортилось чутье.

Ты в лучшем веке жил. Не столько
просвещенный,
Являл он бодрый ум и вкус
неразвращенный,

Венцы свои дарил, без вычур толковит,
Он только истинным любимцам Аонид.
Но нет явления без творческой причины:
Сей благодатный век был век Екатерины!
Она любила муз, и ты ли позабыл,
Кто Душеньку твою всех прежде оценил?
Я думаю, в садах, где свет бессмертья
блещет,

Поньне тень твоя от радости трепещет,
Вспоминая день, сей день, когда певца,
Еще за милый труд не ждавшего венца,
Она, друзья ее, достойно наградили
И скромного его так лестно изумили,
Страницы Душеньки читая наизусть.
Сердца завистников стеснила злая грусть,
И на другой же день расспросы о поэте
И похвалы ему жужжали в модном свете.

Кто вкуса божеством теперь служил бы
нам?

Кто в наши времена и прозе и стихам
Провозглашая суд разборчивый и правой,
Заведывать бы мог парнасскою управой?
О, добрый наш народ имеет для того
Особенных судей, которые его
В листах условленных и в цену
приведенных

Снабжают мнением о книгах современных!
Дарует между нас и славу и позор
Торговой логики смысленный приговор.
О наших суднях не смею молвить слова,
Но слушай, как чествят они один другого:
Товарищ каждого глупца, невежда, враль;
Поверить надо им, хотя поверить жаль.
Как быть писателю? в пустыне благодатной.
Забывши модный свет, забывши свет
печатной

Как ты, философ мой, таиться без греха,
Избрать в советники kota и петуха,

Теперь важней мой ум, зреее мысль моя.
Опять когда умру, повеселею я;
Тогда беспечных муз беспечного питомца
Прими, философ мой, как старого знаконца.

[1:24]

О своенравная София!
От всей души я вас люблю,
Хотя и реже, чем другие,
И неискусней вас хвалю.
На ваших ужинах веселых,
Где любят смех, и даже шум,
Где не кладут оков тяжелых
Ни на уменье, ни на ум,
Где для холопа иль невежды,
Не притворяясь, часто мы
Браним Указы и псалмы,
Я основал свои надежды
И счастье нынешней зимы.
Ни в чем не следуя пристрастью,
Даете цену вы всему:
Рассудку, шалости, уму
И удовольствию и счастью.
Свет пренебрегши в добрый час
И утеснительную моду,
Всему и всем забавить вас
Вы дали полную свободу;
И потому далеко прочь
От вас бежит причудниц мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зевающая скука.
Иной порою, знаю сам,

Я вас браню по пустякам.
Простите мне мои укоры:
Не ум один дивится вам,
Опасны сердцу ваши взоры:
Они лукавы, я слышал,
И всё предвидя осторожно,
От власти их, когда возможно,
Спасти рассудок я желал.
Я в нем теперь едва ли волен
И часто, пасмурный душой,
За то я вами не доволен,
Что не доволен сам собой.

[1824]

К...

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина плачешь ты,
И как русалка ты хохочешь!

[1824—1825]:

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов, самовластью
Какой-то адскою любовию горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.

[1824—1825]

НАДПИСЬ

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

[1825]

СТАНСЫ

В глуши лесов счастлив один,
Другой страдает на престоле;
На высоте земных судьбин
И в незаметной, низкой доле
Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг.

Мы все блаженствуем равно,
Но все блаженствуем различно;
Уделом нашим решено,
Как наслаждаться им прилично,
И кто нам лучший дал совет,
Иль Эпикур иль Эпиктет?

Меня тягчил печалей груз;
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел.

Хвала вам, боги! предо мной
Вы оправдались отныне!

Готов я с бодрою душой
На всё угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас
Не оскорбит роптаньем вас!

[1825]

К ЖЕСТОКОМ

Неизвинительной ошибкой,
Скажите, долго ль будет вам
Внимать с холодной улыбкой
Любви укорам и мольбам?
Одни победы вам известны;
Любовь нечаянно узнав,
Каких лишитесь вы прав
И меньше ль будете прелестны?
Ко мне примерно нежной став,
Вы наслажденья лишены ли:
Дурачить пленников других
И строгой быть, как прежде были,
К толпе соперников моих?
Еще ли нужно размышленье!
Любви простое упоенье
Вас не довольствует вполне;
Но с упоеньем поклоненье
Соединить не трудно мне;
И ваш угодник постоянной
Попеременно я бы мог —
Быть с вами запросто в диванной,
В гостиной быть у ваших ног.

[1825]

**ДЕВУШКЕ, ИМЯ КОТОРОЙ
БЫЛО АВРОРА**

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари;
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!
Пылкий юнша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит, с тихой тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

[1825]

ВЕСЕЛЬЕ И ГОРЕ

Рука с рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытия;
Но что? — поссорилися вскоре
Во всем несходные друзья!
Лишь перекресток улучили,
Друг другу молвили: «прости!»
Недолго розно побродили,
Через день сошлись — в конце пути!

[1825]

Д. ДАВЫДОВУ

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельскою рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородной,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!

[1825]

ОЖИДАНИЕ

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастию вредим
И сокращаем наслажденье.

[1826]

ДОРОГА ЖИЗНИ

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.

[1826]

К АМУРУ

Тебе я младость шаловливу,
О сын Венеры! посвятил:
Меня ты плохо наградил,
Дал мало сердцу на разживу!
Подобно мне любил ли кто?
И что ж я вспомню не тоскуя?
Два, три, четыре поцелуя!..
Быть так! спасибо и за то.

[1827]

НАЯДА

Есть грот: Наяда там в полдневные часы
Дремоте предает усталые красы,
И часто вижу я, как нимфа молодая
На ложе лиственном покоится нагая,
На руку белую, под говор ключевой,
Склоняясь челом, венчанным осокой.

[1827]

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам;
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;
От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.

[1827]

В АЛЬБОМ

Перелетай к веселью от веселья,
Как от цветка бежит к цветку дитя;
Не успевай, за суетой безделья,
Задуматься, подумать и шутя.
Пускай тебя к Кориннам не причислят,
Играй, мой друг, играй и верь мне в том,
Что многие о милой Лизе мыслят,
Когда она не мыслит ни о чем.

[1827]

К...

Не бойся едких осуждений,
Но упойтельных похвал:
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал.

Когда, доверясь их измене,
Уже готов у моды ты
Взять на венок своей Камене
Ее тафтяные цветы;

Прости: я громко негодую;
Прости, наставник и пророк,
Я с укоризной указую
Тебе на лавровый венок,

Когда по ребрам крепко стиснут
Пегас удалым седоком,
Не горе, ежели прихлыстнут
Его критическим хлыстом.

[1827]

ЭПИГРАММА

Идиллик новый на искус
Представлен был пред Аполлона.
«Как пишет он? — спросил у муз
Бог беспристрастный Геликона, —
Никак негодный он поэт?» —
— Нельзя сказать. — «С талантом?» — Нет;
Ошибок важных, правда, мало;
Да пишет он довольно вяло. —
«Я понял вас; в суде моем
Не озабочусь я нисколько:
Вперёд ни слова мне о нем,
Из списков выключить — и только».

[1827]

ЭПИГРАММА

Как сладить с глупостью глупца?
Ему впопад не скажешь слова;
Другого проще он с лица,
Но мудреней в житье другого.
Он всем превратно поражен,
И всё навыворот он видит:
И бестолково любит он,
И бестолково ненавидит.
[1827]

ЭПИГРАММА

И ты поэт и он поэт:
Но меж тобой и им различие находят:
Твои стихи в печать выходят,
Его стихи — выходят в свет.

[1827]

СТАНСЫ

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Степного неба свод желанной,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаше —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал; но сны молодые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Я твой, родимая дубрава!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты,
Иль дерзкого ума соображенье
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого.

Сначала мир явил мне дивный сад:
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.

Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода;
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов, и в высоте небес,
И в бездне вод, сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

Прошли века. Яснеть очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.

Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всеильным увлекало.

Желания земные позабыв,
Чуждаяся их грубого влеченья,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в Эмпирей и в Хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих.
Но по земле с трудом они ступали
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье:
Мне слышалось их гладное бляенье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
Попрежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло;
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло...
Один туман над ней синевя вился
И жертвою очистительной дымился.

[1827]

ПРИ ПОСЫЛКЕ „БАЛА“
С. ЭНГЕЛЬГАРДТ

Тебе ль, невинной и спокойной,
Я приношу в нескромный дар
Рассказ, где страсти недостойной
Изображен преступный жар?

И безобразный, и мятежной,
Он не пленит твоей мечты;
Но что? на память дружбы нежной
Его, быть может, примешь ты.

Жилец семейственного круга,
Так в дар приемлет домосед
От путешественника-друга
Пустыни дальней дикий цвет.

[1828]

СМЕРТЬ

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболепную мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косою.

О дочь верховного Эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое хранение всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем
Смирная буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты на брега свои бегущий
Вспять возвращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

[1829]

К Э. А. ВОЛКОНСКОЙ

Из царства виста и зимы,
Где под управой их двойкой,
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон,
Она спешит на юг прекрасный,
Под Авзонийский небосклон
Одушевленный, сладострастный,
Где в кущах, в портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;
Где все холмы красноречивы,
Но где не стыдно, может быть,
Герои, мира властелины,
Ваш Капитолий позабыть
Для капитолия Коринны;
Где жизнь игрива и легка,
Там лучше ей, чего же боле?
Зачем же тяжкая тоска
Сжимает сердце поневоле?
Когда любимая краса
Последним сном смыкает вежды,

Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучший мир ей уготован,
Что славой вечною светло
Там заблестит ее чело;
Но скорбный дух не урочеван,
Душе стесненной тяжело,
И неутешно мы рыдаем.
Так сердца нашего кумир,
Ее печально провожаем
Мы в лучший край и лучший мир.

[1823]

В АЛЬБОМ

Альбом походит на кладбище:
Для всех открытое жилище,
Он так же множеством имен
Самолюбиво испещрен.
Увы! народ добросердечной,
Равно туда, или сюда,
Несет надежду жизни вечной,
И трепет страшного суда.
Но я, смиренно признаюся,
Я не надеюсь, не страшуся,
Я в ваших памятных листах
Спокойно имя помещаю:
Философия: у вас в глазах
Мое ничтожество я знаю.

[1829]

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Под бурею судеб, унымый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, покой ее люблю
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
Мое грядущее и молодость моя
И обещания в груди сокрытой музы,
Всё обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.
[1829]

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

[1829]

ДЕРЕВНЯ

Люблю деревню я и лето:
И говор вод, и тень дубров,
И благовоние цветов;
Какой душе не мило это?
Быть так, прощаю комаров;
Но признаюсь — пустыни житель,
Покой пустынный в ней любя,
Комар двуногий, гость мучитель,
Нет, не прощаю я тебя!

[1829]

Глупцы не чужды вдохновенья;
Как светлым детям Аонид,
И им оно благоволит:
Слетая с неба, все растенья
Равно весна животворит.
Что ж это сходство знаменует?
Что им глупец приобретет?
Его капустою раздует,
А лавром он не расцветет.

[1829]

СТАРИК

Венчали розы, розы Леля,
Мой первый век, мой век молодой:
Я был счастливый пустомеля —
И девам нравился порой.
Я помню ласки их живые,
Лобзанья, полные огня...
Но пролетели дни молодые;
Они не смотрят на меня!
Как быть? У яркого камина,
В укромной хижине моей,
Накрою стол, поставлю вина
И соберу моих друзей.
Пускай венок, сплетенный Лелем,
Не обновится никогда:
Года, увенчанные хмелем,
Еще прекрасные года.

[1829]

Как ревностно ты сам себя дурачишь!
На хлопоты вставая до звезды,
Какой-нибудь да пакостью обозначишь
Ты каждый день без цели, без нужды!
Ты сам себя, и прост и подел вкупе,
Ипитимьей затейливой казнишь:
Заботливо толчешь ты уголь в ступе
И только что лицо свое пылишь.

[1629]

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? — точный смысл народной поговорки.

/1829

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов ли, Шекспиров ли двойник,
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог!

[1829]

МУЗА

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором,
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

[1829]

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

Х вала, маститый наш Зоил!
Когда-то Дмитриев бесил
Тебя счастливыми стихами,
Бесил Жуковский вслед за ним;
Вот Пушкин бесит. Как любим,
Как отличен ты небесами!
Три поколения певцов
Тебя красой своих венцов
В негодованье приводили:
Пекись о здравии своем,
Чтобы, подобно первым трем,
Другие три тебя бесили.

[1829]

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ

В небе нашем исчезает
И красой своей горда,
На другое востекает
Переходная звезда:
Но навек ли с ней проститься?
Нет, предписан ей закон:
Рано ль, поздно ль воротиться
На старинный небóсклон.

Небо наше покидая,
Ты ли, милая звезда,
Небесам другого края
Передашься навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки в желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь!

[1829]

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Когда печалью вдохновенный
Певец печаль свою поет,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
Кто вековых проклятий жаден
Дерзнет осмеивать ее?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытье.
Не напряженного мечтанья,
Огнем услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душесутильный поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженья их кунил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,
И чтим земными племенами
Подобно мученику он.
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечта

Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребенком на руках.

(1829)

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветр его коснется,
Он исчезнет без следов!
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

(1830)

ФЕЯ

Порою ласковую Фею
Я вижу в обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служить готова мне она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я;
Но что же? странно и во сне
Непокупное счастье мне:
Всегда дарам своим предложит
Условье некое она,
Которым, злобномышлена,
Их отравит иль уничтожит.
Знать, самым духом мы рабы
Земной насмешливой судьбы;
Знать, миру явному дотоле
Наш бедный ум порабощен,
Что переносит поневоле
И в мир мечты его закон!
(1830)

ЭПИГРАММА

«Он вам знаком. Скажите, кстати,
Зачем он так не терпит знáти?»
— Затем, что он не дворянин. —
«Ага! нет действий без причин.
Но почему чужая слава
Его так бесит?» — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее бог не дал права,
Что не хвалил его никто,
Что плоский автор он. — «Вот что!»
(1830)

ЭПИГРАММА

В восторженном невежестве своем
На свой аршин он славу нашу мерит;
Но позабыл, что нет клейма на нем,
Что одному задору свет не верит.
Как дружеским он вздором восхищен!
Как бешено своим доволен он!
Он хвалится горячею душою;
Голубчик мой! уверься наконец,
Что из глупцов, известных под луною,
Смешнее всех нам пламенный глупец.

(1830)

МОЙ ЭЛИЗИЙ

Не слазь, обманутый Орфей,
Мне Элизийские селенья:
Элизий в памяти моей
И не кропим водой забвенья.
В нем мир цветущий старины
Умерших тени населяют,
Привычки жизни сохраняют
И чувств ее не лишены.
Там жив ты, Дельвиг! там за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты.

(1831)

ЯЗЫКОВУ

Бывало, свет позабывая
С тобою, счастливым певцом,
Твоя Камена молодая
Венчалась гроздьем и плющом
И песни ветреные пела,
И к ней, безумна и слепа,
То, увлекаясь, пламенела
Любовью грубою толпа,
То, на свободные напевы
Сердяся в ханжестве тупом,
Она ругалась чудной девы
Ей непонятым божеством.
Во взорах пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щеках,
Был жар хмельной в ее глазах
Или румянец вождельенья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобает:
Лишь для любовника она
Наряд Менады надевает,
Яви ж, яви ее скорей,
Певец, в достойном блеске миру!
Наперснице души твоей
Дай диадиму и порфиру;

Державый сан ее открой,
Да изумит своей красой,
Да величавый взор смущает
Ее злословного судью,
Да в ней хулитель твой познает
Мою царицу и свою.

(1831)

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо заменяя.
Игра стихов, игра золотая!
Как звуки звукам отвечая,
Бывало, нежили меня!
Но всё проходит: остываю
Я и к гармонии стихов —
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.

(1831)

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей,
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал:
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

(1832)

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое,
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалеи,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа:
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век,
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего, —
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший,
И в звучных, глубоких отзвуках сполна
Всё дольное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

(1832)

Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады:

Так, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...
Вотще! лишённые хранительной преграды,
Далече воды утекли.

Их ложе поросло травой,
Приют хозяйственный в нем улья обрели,
И легкая тропа исчезла предо мною:
Ни в чем знакомого мой взор не обретал!
Но вот, попрежнему, лесистым косогором,
Дорожка смелая ведет меня... обвал
Вдруг поглотил ее... Я стал

И глубь нежданную измерил грустным
взором;

С недоумением искал другой тропы.

Иду я: где беседка тлеет,
И в прахе перед ней лежат ее столпы,
Где остов мостика дряхлеет.

И ты, величественный грот,
Тяжело-каменный, постигнут разрушеньем
И угрожаешь уж паденьем,
Бывало, в летний зной прохлады полный
свод!

Что ж? пусть минувшее минуло сном
летучим!

Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,

И обаянием могучим
Исполнен для души моей.

Тот не был мыслию, тот не был сердцем
хладен,

Кто безыменной неги жаден,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к таинственному шуму
Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.

Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
Прияла прах его далекая могила,
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь еще живет его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:

Он вдохновением волнуется во мне;
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной сени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень священную мне встречу.

(1833)

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

(1835)

Наслаждайтесь: всё проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своенравно рок приводит
Нас к утехам и к бедам,
Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красоты,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: всё проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью, и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

(1835)

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем
И крылья духа подыму
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?

Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла
И легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

[1835]

О, верь: ты, нежная, дороже славы мче.
Скажу ль? мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покорь себе бунтующую музу.

[1835]

Я не любил ее, я знал,
Что не она поймет поэта,
Что на язык души, душа в ней без ответа:
Чего ж безумец в ней искал?
Зачем стихи мои звучали
Ее восторженной хвалой,
И малодушно возвещали
Ее владычество и плен постыдный мой?
Зачем вверял я с умилением
Ей все мечты души моей? ..
Туман упал с моих очей:
Ее бегу я с отвращеньем!
Так, омраченные вином,
Мы недостойному порою
Жмем руку дружеской рукою,
Приветствуем его с ослабленным лицом,
Красноречиво изливаем
Все думы сердца перед ним;
Ошибки темные сознанием храним;
Но блажь досадную напрасно укрощаем
Умом взволнованным своим:
Очнувшись, странному забвению дивимся
И незаконного наперсника стыдимся,
И от противного лица его бежим.

(1835)

О мысль! тебе удел цветка:
Сегодня манит мотылька,
Прельщает пчелку золотую,
К нему с любовью мошка льнет,
И стрекоза его поет;
Утратил свежесть молодую
И чередой своей поблек, —
Где пчелка, мошка, мотылек?
Забут он роем их летучим,
И никому в нем нужды нет,
А тут зерном своим падучим
Он зарождает новый цвет.

[1835]

Где сладкий шопот
Моих лесов?
Потоков рокот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корою
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушует, воеет
И небо кроет
Седую мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёта?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно даёт.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи

И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд,
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главой
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согреет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

Сердечным нежным языком
Я искушал ее сначала:
Она словам моим внимала
С тупым, бессмысленным лицом.
В ней разбудить огонь желаний
Еще надежду я хранил
И сладострастных осязаний
Язык живой употребил...
Она глядела так же тупо,
Потом разгневалась глупо.
Беги за нею, модный свет,
Пленяйся девой идеальной!
Владею тайной я печальной:
Ни сердца в ней, ни пола нет.
[1835]

Своенравное прозвание
Дал я милой в ласку ей:
Безотчетное созданье
Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно символ
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полное любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно.
Что в нем свету? Но сомненье
Если дух ей возмутит,
О, его в одно мгновенье
Это имя победит;
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милой,
Здесьних чувственных примет,
Им бессмертье я привечу,
К безднам им воскликну я,
Да душе моей навстречу
Полежит душа твоя.

[1835]

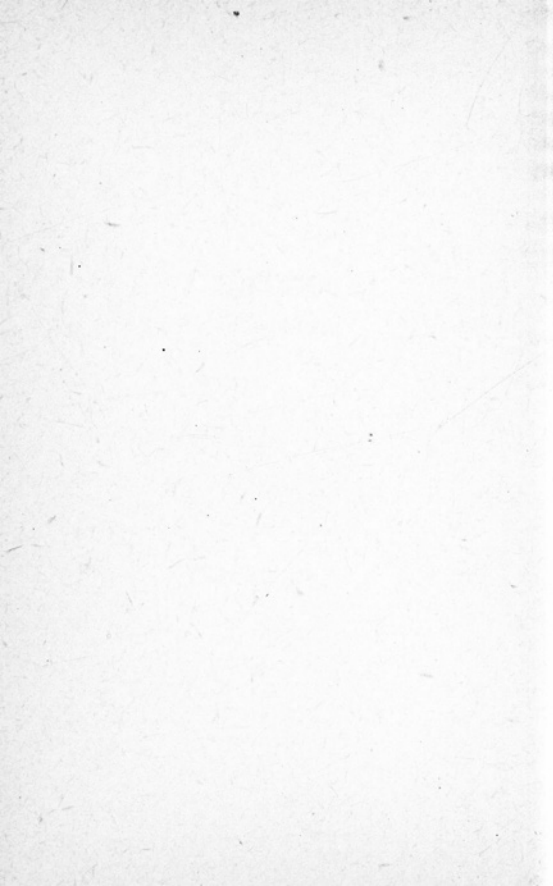
Вот верный список впечатлений
И легкий и глубокий след
Страстей, порывов юных лет,
Жизнь родила его — не гений.
Подобен он скрижали той,
Где пишет ангел неподкупный
Прекрасный подвиг и преступный,
Всё, что творим мы под луной.
Я много строк моих, о Лета!
В тебе желал бы окунуть
И утаить их как-нибудь
И от тебя и ото света...
Но уж свое они рекли,
А что прошло, то непреложно.
Года волненья протекли
И мне перо оставить можно.
Теперь я знаю бытие.
Одно желание мое —
Покой, домашние отрады.
И погружен в самом себе,
Смеюсь я людям и судьбе,
Уж не от них я жду награды.
Но что? с бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?

Проснуться может пламень мой,
Еще, быть может, я возвышу
Мой голос: родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая.

СУМЕРКИ

(1834—1841)

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ

Как жизни общие призывы,
Как увлеченья суеты,
Понятны вам страстей порывы
И обаяния мечты;
Понятны вам все дуновенья,
Которым в море бытия
Послушна наша ладия:
Вам приношу я песнопенья,
Где отразилась жизнь моя:
Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты,
И между тем любви высокой,
Любви, добра и красоты.

Счастливый сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мне нужды нет;
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,

Но добровольно шумный свет:
Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой:
Ищу я вас, гляжу, что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня?
Что вам дарует провиденье?
Чем испытует небо вас?
И возношу молящий глас:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минет скорбный час!

Звезда разрозненной Плеяды!
Так из глуши моей стремлю
Я к вам заботливые взгляды,
Вам высшей благости молю;
От вас отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вам прозою почтовой
Лениво дань мою плачу.

[1834]

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путем своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
В ней опять цветут науки,
Носит понт торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, брега лазурных рек;
Цветет Парнас: пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет:
Нежданный сын последних сил природы —
Возник поэт: идет он и поет:

Воспеваает, простодушной,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урани холодной
Поет, увы! он благодать страстей:
Как пажити Эол бурнопогодной,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подьѐмлетя от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им!
Верьте сладким убежденьям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста вещать полуотверсты,
Но гордые главы не преклонил:
Столы свои он в мыслях направляет

В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И приветливо оно,
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада,
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. голос волн...
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И попрежнему блистает
Хладной роскошью свет:
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

(1834—1835)

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его — потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменной,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.

Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

(1841)

НОВИНСКОЕ

А. С. Пушкину

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь, ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей легкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви, для вдохновенья.

(1842)

ПРИМЕТЫ

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой;
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подьемля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала:
В пустыне безлюдной он не был одним,
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

[1840]

Всегда и в пурпуре и злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей
И юных Граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень!

[1840]

НЕДОНОСОК

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаков
Возлетев, паду слабея.
Как мне быть? я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Блещет солнце: радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И веселыми крылами
Ластюсь к ним как облачко;
Пью счастливо воздух тонкой:
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет
И до облак, свод небесный
Омрачивших, вознесет
Прах земной и лист древесный:
Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое

Вьет, крутит меня как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! вихорь жгучий!
Бьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю:
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я подьемлю.

Смутно слышу я порой
Клич враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных
Надо мной и подо мной
Беспредельных — скорби тесных!
В тучу кроюсь я, и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок

Слабо слышу... На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия;
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

[1835]

АЛКИВИАД

Облокотясь перед медью, образ его
отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри
златые чела,
Юный красавец сидел горделиво задумчив
и, смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали
перстом;
Девы, тайно любуясь челом благородно-
открытым,

Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же и глух был, и слеп; он не в меди
глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый
венок?

[1835]

РОПОТ

Красного лета отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то к
лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать
самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви
поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских
питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти
врага.

[1841]

Филида с каждою зимою,
Зимою новою своею,
Пугает большей наготою
Своих старушечьих плечей.
И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.
(1842)

БОКАЛ

Полный влагой искрометной
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветной
Твой озябнувший кристалл...
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин:
Сластолюбец вольнодумной
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Всё твое, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата.
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторг неосторожной
Не обидит никого;
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего;
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд,

Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!
Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй,
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи,
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О! бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой:
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуме, пророк
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей,
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей.

[1835]

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется:
Скорбь-невзгода распоеется!

А как век-то, век-то старой
Обручится с лютой карой;

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалой:

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

[1839]

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свой не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Не даром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь: а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя;
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

[1840]

АХИЛЛ

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту,
И кипящего Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимым лишь в пяту.

Обречен борьбе верховной,
Ты ли, долею своей
Равен с ним, боец духовной,
Сын купели новых дней?

Омовен ее водою,
Знай, страданью над собою
Волю полную ты дал
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

(1841)

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтуня старая, затем
Она, подъявля крик нахальной,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

(1838)

Еще как патриарх не древен я; моей
Главы не умастил таинственный елей:
Непосвященных рук бездарно возложенье!
И я даю тебе мое благословенье
Во знаменьи ином, о дева красоты!
Под этой розою главой склонись, о ты
Подобие цветов царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной.

(1839)

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не легкокрылых грез, детей волшебной
Тьмы,

Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных.
Ощупай возмущенный мрак:
Исчезнет, с пустотой сольется
Тебя пугающий призрак,

И заблужденыю чувств твой ужас улыбнется.
О сын Фантазии! ты благодатных Фей
Счастливым баловень, и там, в заочном мире,
Веселый семьянин, привычный гость на пире
Неосязаемых властей:
Мужайся, не слабей душою
Перед заботою земною:

Ей исполинский вид дает твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою,
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обитатели духóв откроются врата.

(1839)

Здравствуй, отрок сладкогласной!
Твой рассвет зарей прекрасной
Озаряет Аполлон!
Честь возникшему Пииту!
Малолетнюю Хариту
Ранней лирой тронул он.
С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой,
Чуткой грудью своею,
С первым солнцем, полной всею
Наступающей весной!

(1642)

Что за звуки? мимоходом
Ты поешь перед народом,
Старец нищий и слепой!
И, как псов враждебных стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издеваясь над тобой.

А с тобой издавна тесен,
Был союз Камены песен,
И беседовал ты с ней,
Безыменной, роковою,
С дня, как в первый раз тобою
Был услышан соловей!

Бедный старец! слышу чувство
В сильной песни... Но искусство...
Старцев старее оно:
Эти радости, печали, —
Музыкальные скрижали
Выражают их давно!

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!

Попеченья гений твой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире
Звучен будет голос твой!

(1841)

СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник Нимфу в нем прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но бесконечно вожденной,
Уже он властвует собой:
Неторопливый, постепенной
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдет,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падет.

Покуда страсть уразумя
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечет, желаньем рдея,
К победе неги мудреца!

(1841)

ОСЕНЬ

1

вот сентябрь! замедля свой восход
Сияньем хладным солнце блещет
И луч его, в зеркале зыбком вод,
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры;
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся завоюет роща; дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

Прощай, прощай, сияние небес!
 Прощай, прощай, краса природы!
 Волшебного шептанья полный лес,
 Златочешуйчатые воды!
 Веселый сон минутных летних нег!
 Вот эхо, в рощах обнаженных,
 Секирою тревожит дровосек
 И скоро, снегом убеленных,
 Своих дубров и холмов зимний вид
 Застылый ток туманно отразит.

А между тем досужий селянин
 Плод годовых трудов собирает:
 Сметав в стога скошенный злак долин,
 С серпом он в поле поспешает.
 Гуляет серп. На сжатых бороздах
 Снопья стоят в копнах блестящих
 Иль тянутся вдоль жнивы, на возах
 Под тяжелой ношею скрипящих,
 И хлебных скирд золотоверхий град
 Подъемлетя кругом крестьянских хат.

Дни сельского, святого торжества!
 Овины весело дымятся,
 И цеп стучит, и с шумом жернова
 Ожившей мельницы крутятся.

Иди, зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага:
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты:

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

Твой день взошел, и для тебя ясна
 Вся дерзость юных легковерий;
 Испытана тобою глубина
 Людских безумств и лицемерий.
 Ты некогда всех увлечений друг,
 Сочувствий пламенный искатель,
 Блистательных туманов царь — и вдруг
 Бесплодных дебрей созерцатель,
 Один с тоской, которой смертный стон
 Едва твоей гордыней задушен.

Но если бы негодованья крик,
 Но если б вопль тоски великой
 Из глубины сердечная возник
 Вполне торжественный и дикой,
 Костями бы среди своих забав
 Содроглась ветренная младость,
 Играющий младенец, зарыдав,
 Игрушку б выронил, и радость
 Покинула б чело его навек,
 И заживо б в нем умер человек!

Зови ж теперь на праздник честный мир!
 Спеши, хозяин тароватый!
 Проси, сажай гостей своих за пир
 Затейливый, замысловатый!

Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блится он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен:
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревертенье:
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум, бесполезный сердца трепет
Угасит, и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад;

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край благовестящим снам
Доверяясь чувством обновленным
И, бытия мятежным голосам
В великом гимне примиренным,
Внимающий как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой;

Пред промыслом оправданным ты ниц
     Падешь с признательным смиреньем,
 С надеждою, не видящей границ,
     И утоленным разуменьем:
 Знай, внутренней своей вовеки ты
     Не передашь земному звуку
 И легких чад житейской суеты
     Не посветишь в свою науку:
 Знай, горняя иль дольная, она
 Нам на земле не для земли дана.

Вот буйственно несется ураган,
     И лес подьметлет говор шумной,
 И пенится, и ходит океан,
     И в берег бьет волной безумной:
 Так иногда толпы ленивый ум
     Из усыпления выводит
 Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
     И звучный отзыв в ней находит,
 Но не найдет отзыва тот глагол,
 Что страстное земное перешел.

Пускай, приняв неправильный полет
     И вспять стези не обретая,
 Звезда небес в бездонность утечет;
     Пусть заменит ее другая:

Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья;
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство с нищетой,
Все образы години бывшей
Сравниются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей:
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

(1836—1837)

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намек.

(1839)

РИФМА

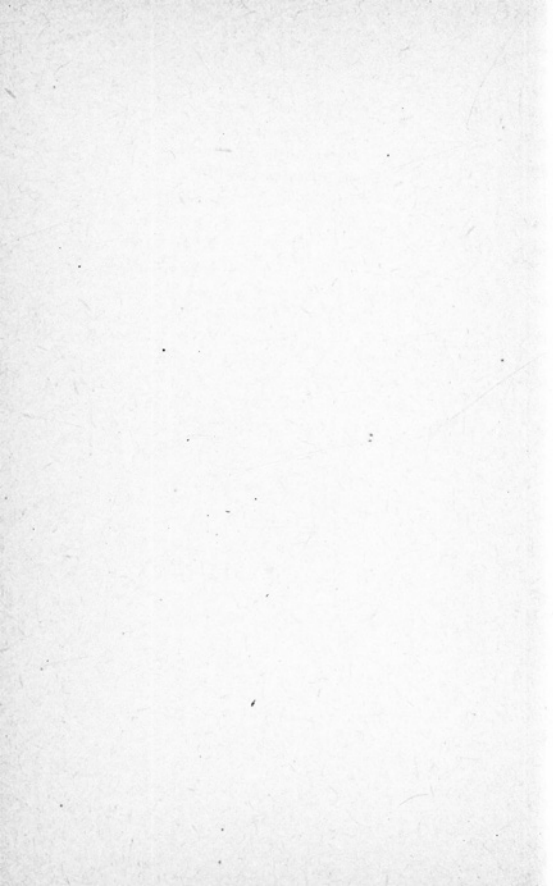
Когда на играх Олимпийских,
На стогнах греческих недавних городов,
Он пел, питомец муз, он пел среди валов
Народа жадного восторгов мусикийских:
В нем вера полная в сочувствие жила:
Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.
Толпа вниманием окована была,
Пока, могучим сотрясеньем
Вдруг побежденная, плескала без конца
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем.
Когда на греческий амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил, и славословил он,
Или оплакивал народную фортуна,
И устремлялись все взоры на него,
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом:
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.
Но нашей мысли торжищ нет,

Но нашей мысли нет форума!..
Меж нас не ведает поэт,
Высок полет его иль нет!
Велика ль творческая дума?
Сам судия и подсудимый,
Скажи: твой беспокойный жар —
Смешной недуг иль высший дар?
Реши вопрос неразрешимый.
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света,
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного берега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

СТИХОТВОРЕНИЯ

1840 — 1844

На всё свой ход, на всё свои законы.
Меж люлькою и гробом спит Москва;
Но и до ней глухой дошла молва,
Что скучен вист, и веселей салоны
Отборные, где есть уму простор,
Где властвует не вист, а разговор.
И погналась за модой новосветской,
Но погналась старуха непутем:
Салоны есть, — но этот смотрит детской,
А тот, увы! — глядит гошпиталем.

(1841—1842)

ОБЕДЫ

Я не люблю хвастливые обеды,
Где сто обжор, не ведая беседы,
Жуют и спят. К чему такой содом?
Хотите ли, чтоб ум, воображенье
Привел обед в счастливое броженье,
Чтоб дух играл с играющим вином,
Как знатоки Эллады завещали?
Старайтесь, чтоб гости за столом,
Не менее Харит своим числом,
Числа Камен у вас не превышали.

(1840)

Спасибо злобе хлопотливой,
Хвала вам, недруги мои!
Я, не усталый, но ленивый,
Уж пил летийские струи.

Слегка седеющий мой волос
Любил за право на покой;
Но вот к борьбе ваш дикий голос
Меня зовет и будит мой.

Спасибо вам, я не в утрате!
Как богоизбранный еврей,
Остановили на закате
Вы солнце юности моей!

Спасибо, молодость вторую,
И человеческим сынам
Досель безвестную, пирую
Я в зависть Флакку, в славу вам!

(1841—1842?)

КОТТЕРИИ

Братайтесь, к взаимной обороне
Ничтожностей своих вы рождены;
Но дар прямой не брат у вас в притоне,
Бездарные писцы хлопотуны!
Наоборот союзным на благое,
Реченного достойные друзья:
Аминь, аминь, вещал он вам, где трое
Вы будете, — не буду с вами я.

(1841—1842)

Люблю я вас, богини пенья!
Но ваш чарующий наход,
Сей сладкий трепет вдохновенья, —
Предтечей жизненных невзгод.

Любовь Камен с враждой Фортуны —
Одно. Молчу. Боюсь я,
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музы ласковой ко мне
И говорю: до завтра, звуки,
Пусть день угаснет в тишине.

(1841—1842)

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольний мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит, —
К ее сынам еще взывает лира.

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавой;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос;
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простясь с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети!

(1842)

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя, —
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою, —
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

(1844)

ШИРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан:
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался не даром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только, вдали, океана жилища,
Чайке подобно, вод его птица,
Парус развив, как большое крыло,
С буйной стихией в томительном споре,
Лодка рыбацья качается в море:
С бреггом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;

Много мятежных решил я вопросов,
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!
С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская:
Пеною здоровья брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до
брега!

В сердце к нему приготовлена нега,
Вижу Фетиду: мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной.

Средиземное море, 1844

ДЯДЬКЕ-ИТАЛЬЯНЦУ

Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноград, лимон ее златой
Тревожно бросивший, корыстью уязвленный,
И в край, суровый край, снегами
покровенный,
Приставший с выбором загадочных картин,
Где что-то различал и видел ты один!
Прости наш здравый смысл: прости, мы та
из наций,
Где брату вашему всех меньше спекуляций:
Никто их не купил. Вздохнув, оставил ты
В глушь севера тебя привлечшие мечты;
Зато воскрес в тебе сей ум, на всё
пригодный,
Твой итальянский ум, и с нашим очень
сходный,
Ты счастлив был, когда тебе кое-что дал
Почтенный, для тебя богатый генерал,
Чтоб, в силу строгого с тобою договора,
Имел я благодать нерусского надзора.
Благодаря богов, с тобой за этим вслед
Друг другу не были мы чужды двадцать
лет.
Москва нас приняла, расставшихся с
деревней.

Ты был вожатый мой в столице нашей
древней.

Всех макаронщиков тогда узнал я в ней,
Ментора моего полуденных друзей.
Увы! оставив там могилу дорогую,
Опять увидели мы вотчину степную,
Где волею небес узнал я бытие,
О сын Авзонии! для бурь, как ты свое;
Но где, хотя вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кров обрел, а позже гроб
спокойный.

Ты полюбил, тебя призревшую семью —
И, с жизнью ее сливая жизнь свою,
Ее событиями в глуши чужого края
Былого своего преданья заглушая,
Безропотно сносил морозы наших зим.
В наш краткий летний жар тобою был
любим

Овраг под сению дубов прохладовейных,
Участник наших слез и праздников семейных,
В дни траура главой седой ты поникал;
Но ускорял шаги и членами дрожал,
Как в утро зимнее порой, с пределов света,
Питомца твоего, недавнего корнета,
К коленам матери кибитка принесет,
И скорбный взор ее минутно оживет.

Но что! радушному пределу благодарной,
Нет! ты не забывал отчизны лучезарной!
Везувий, Колизей, грот Капри, храм Петра,
Имел ты на устах от утра до утра;

Именовал ты нам и принцев и прелатов
Земли, где зрел дивясь суворовских
солдатов,
Входящих, вопреки тех пламенных часов,
Что, по твоим словам, со стогонов гонят
псов,
В густой пыли побед, в грозе небритых
бород,
Рядами стройными в классический твой
город;
Земли, где, год спустя, тебе предстал и он,
Тогда Буонапарт, потом Наполеон,
Минутный царь царей, но дивный
Кондотьери,
Уж жиждущий свои гигантские потери.

Скрывая власти глад, тогда морочил вас
Он звонкой пустотой революционных фраз.
Народ ему зажег приветственные площадки;
Но ты, ты не забыл серебряные ложки,
Которые, среди блестящих общих грез,
Ты контрибуции назначенной принес:
Едва ты узнику печальному британца
Простил военную систему корсиканца.

Что на твоём веку, то ль благо, то ли зло,
Возникло при тебе — в преданье перешло:
В Альпийских молниях приемлемый опалой,
Свой ратоборный дух, на битвы не усталой,
В картечи эпиграмм Суворов испустил.
Злодей твой на скале пустынной опочил.
Ты сам глаза сомкнул, когда мирские сети

Уж поняли тобой взлелеянные дети;
Когда, свидетели превратностей земли,
Они глубокий взор уставить уж могли,
Забвенья чуждые за жизненною чашей,
На итальянский гроб в ограде церкви нашей
А я, я с памятью живых твоих речей
Увидел роскоши Италии твоей:
Во славе солнечной Неаполь твой нагорной,
В парах пурпуровых, и в зелени узорной,
Неувядаемой; амфитеатр дворцов
Над яркой пеленой лазоревых валов;
И Цицеронов дом, и злачную пещеру,
Священную поднесь Камены суеверу,
Где спит великий прах властителя стихов,
Того, кто в сей земле вулканов и цветов,
И ужасов, и нег взлелеял Эпопею,
Где в мраке Тенара открыл он путь Энею,
Явил его очам чудесный сад утех,
Обитель сладкую теней блаженных тех,
Что, крепки в опытах земного треволненья,
Сподобились вкусить эфирных струй
забвенья.

Неаполь! До него среди садов твоих
Сердца мятежные отыскивали их.
Сквозь занавес веков еще здесь помнят
виллы,
Приюты отдохов и Мария и Силлы;
И кто, бесчувственный среди твоих красот,
Не жаждал в их раю обрести навес иль
грот,
Где б скрылся, не на час, как эти полубоги,

Здесь Лету пившие, чтоб крепнуть для
тревоги,
Но чтоб незримо слить в безмыслии златом
Сон неги сладостной с последним, вечным
сном.

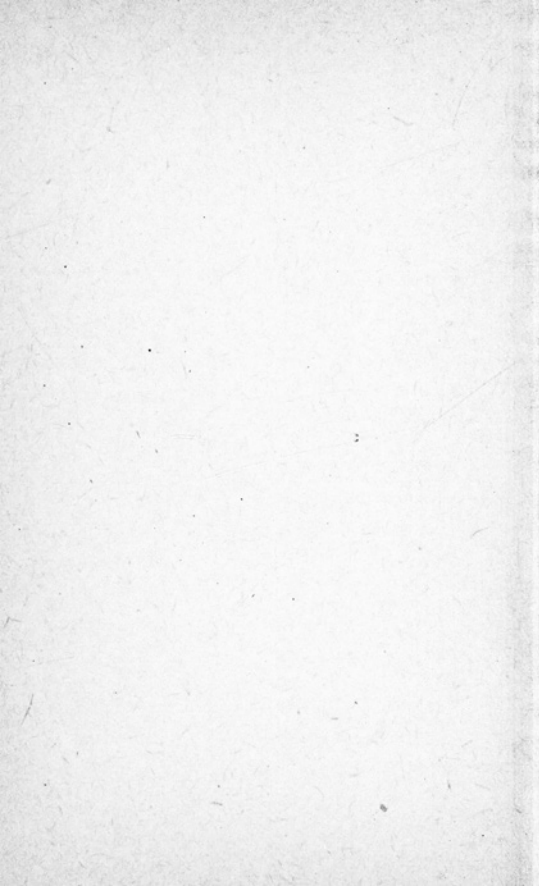
И в сей Италии, где всё — каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы,
Чей безыменный лист так преданно обник
Давно из божества разжалованный лик,
Потом с чела его повиснул полусонно, —
Всё беззаботному блаженству благосклонно,
Ужиться ты не мог! и, помня сладкий юг,
Дух предал строгому дыханью наших व्यюг,
Не сетуя о том, что за пределы мира
Он улететь бы мог на крыльях зефира!

О тайны душ! меж тем, как сумрачный
поэт,
Дитя Британии, влачивший столько лет
По знойным берегам груди своей отравы,
У миртов, у олив, у моря и у лавы,
Молил рассеянья от думы роковой,
Владеющей его измученной душой,
Напрасно (уст его, как древле уст Тантала,
Струя желанная насмешливо бежала) —
Мир сердцу твоему дал пасмурный навес
Метелью полгода скрывааемых небес,
Отчизна тощих мхов, степей и древ
иглистых!
О, спи! Безгрезно спи в пределах наших
льдыстых!

Лелей по-своему твой подземельный сон
Наш бурнодышущий, полночный аквилон,
Не хуже веющий забвеньем и покоем,
Чем вздохи южные с душистым их упоем!

Неаполь, 1844

ПОЭМЫ

ПИРЫ

Друзья мои! я видел свет,
На всё взглянул я верным оком:
Душа полна была сует
И долго плыл я общим током...
Безумству долг мой заплачен,
Мне что-то взоры прояснило;
Но, как премудрый Соломон,
Я не скажу: всё в мире сон!
Не всё мне в мире изменило:
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я рассудком;
Но никогда еще, друзья,
Обманут не был я желудком.

Признаться каждый должен в том,
Любовник, иль поэт, иль воин:
Лишь беззаботный гастроном
Названья мудрого достоин.
Хвала и честь его уму!
Дарами нужными ему
Земля усеяна роскошно.
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чужд
Среди веселостей вседневных,

Не знает он душевных нужд,
Не знает он и мук душевных.

Трудясь над смесью рифм и слов,
Поэты наши чуть не плачут;
Своих почтительных рабов
Порой красавицы дурачут;
Иной храбрец, в отцовский дом
Являсь уродом с поля славы,
Подозревал себя глупцом:
О бог стола, о добрый Ком,
В твоих утехах нет отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей;
Служить любви еще прекрасней,
Приятно драться: но ей-ей,
Друзья, обедать безопасней!

Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольной,
Не золоченые главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольной.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосољство
И дарованья поваров.
Там прямо веселы беседы;
Вполне уважен хлебосол,
Вполне торжественны обеды;

Вполне богат и лаком стол.
Уж он накрыт, уж он рядами
Несчетных блюд отягощен
И беззаботными гостями
С благоговеньем окружен.
Еще не сели; всё в молчаньи;
И каждый гость вблизи стола
С веселой ясностью чела
Стоит в роскошном ожиданьи,
И сквозь прозрачный, легкий пар
Сияют лакомые блюда,
Златых плодов, десерта груды...
Зачем удел мой слабый дар!
Но так весной ряды курганов
При пробужденных небесах
Сияют в пурпурных лучах
Под дымом утренних туманов.
Сядятся гости. Граф и князь,
В застольном деле все удалы,
И осушают не лентясь
Свои широкие бокалы:
Они веселье в сердце льют,
Они смягчают злые толки;
Друзья мои, где гости пьют,
Там речи вздорны, но не колки.
И начались чудеса:
Смешались быстро голоса;
Собранье глухо зашумело;
Своих собак, своих друзей,
Певцов, героев хвалят смело;
Вино разнежило гостей
И даже ум их разогрело.

Тут всё торжественно встает,
И каждый гость, как муж толковой,
Узнать в гостиную идет,
Чему смеялся он в столовой.

Меж тем одним ли богачам
Доступны праздничные чаши?
Не мудрены пирушки наши,
Но не уступят их пирам.
В углу безвестном Петрограда,
В тени деревьев, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блески острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.
Стол покрывала ткань простая;
Не восхищались на нем
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценным хрусталем:
И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
Его звездащаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,

Она свободою кипит,
Как пылкий ум не терпит плена,
Рвет пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей:
Певцы пируют, — восклицали, —
Слепая чернь, благоговей!

Любви слепой, любви безумной
Тоску в душе моей тая,
Насилу, милые друзья,
Делить восторг беседы шумной
Тогда осмеливался я.
Что потакать мечте унылой,
Кричали вы: смелее пей!
Развеселись, товарищ милой,
Для нас живи, забудь о ней!
Вздыхнув, рассеянно послушной,
Я пил с улыбкой равнодушной;
Светлела мрачная мечта,
Толпой скрывались печали,
И задрожавшие уста,
Бог с ней, невнятно лепетали.

И где ж изменница-любовь!
Ах, в ней и грусть — очарованье,
Я испытать желал бы вновь
Те знакомое страданье!
И где ж вы, резвые друзья,

Вы, кем жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой:
И каждый с ропотом вздохнул
И брату руку протянул
И вдаль побрел своей дорогой;
И каждый в горести немой,
Быть может, праздною мечтой
Теперь бывшее* пролетает,
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминает.

О, если б, теплою мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту.)
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.
Дубравой темной осененной,
Родной отцам моих отцов,
Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смиренной.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...
Мы, те же сердцем в век иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Дельвиг мой,
Мой брат по музам и по лени,

Ты, Пушкин наш, кому дано
Петь и героев и вино
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным знатоком,
И лучшим гостем за бутылкой.
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья!

Слепой владычицей сует
От колыбели позабытый,
Чем угостит анахорет,
В смиренной хижине укрытый?
Его пустынный обед
Не будет лакомый, но сытый.
Веселый будет ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетели,
И разгадать у бытия
Мы много тайного успели:
Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцем ни владело,
Подобно утреннему сну,
Всё изменило, улетело!
Увы! на память нам придут
Те песни, за веселой чашей,
Что на Парнасе берегут
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенных замет
Богатой жизни юных лет;

Плоды счастливого забвенья,
Где воплотить умел поэт
Свои живые сновиденья...
Не обрести замены им!
Чему же веру мы дадим?
Пирам! В безжизненные лета
Душа остывшая согрета
Их утешением живым.
Пускай навек исчезла младость,
Пируйте, други: стуком чаш,
Авось, приманенная радость
Еще заглянет в угол наш...

(1820)

ЭДА

On broutte là où l'on est attaché.
*Proverbe.*¹

Сочинитель предполагает действие небольшой своей повести в 1807 г., перед самым открытием нашей последней войны в Финляндии.

Страна сия имеет некоторые права на внимание наших соотечественников любопытною природою, совершенно отличною от Русской. Обильная историческими воспоминаниями, страна сия была воспета Батюшковым, и камни ее звучали под конем Давыдова, певца-наездника, именем которого справедливо гордятся поэты и воины.

Жители отличаются простотою нравов, соединенной с некоторым просвещением, подобным просвещению Германских провинций. Каждый поселянин читает библию и выписывает календарик, нарочно издаваемый в Або для земледельцев.

Сочинитель чувствует недостатки своего стихотворного опыта. Может быть, повесть его была бы занимательнее, ежели б дей-

¹ Где привязан—там и пасется. Пословица.

стве ее было в России, ежели б ход ее не был столько обыкновенен, одним словом, ежели б она в себе заключала более поэзии и менее мелочных подробностей. Но долгие годы, проведенные сочинителем в Финляндии, и природа Финляндская и нравы ее жителей глубоко напечатлелись в его воображении. Что ж касается до остального, то сочинитель мог ошибиться; но ему казалось, что в поэзии две противоположные дороги приводят почти к той же цели: очень необыкновенное и совершенно простое, равно поражая ум и равно занимая воображение. Он не принял лирического тона в своей повести, не осмеливаясь вступить в состязание с певцом Кавказского Пленника и Бахчисарайского Фонтана. Поэмы Пушкина не кажутся ему безделками. Несколько лет занимаясь поэзией, он заметил, что подобные безделки принадлежат великому дарованию, и следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новою собственною дорогою.

«Чего робеешь ты при мне,
Друг милый мой, малютка Эда?
За что, за что наедине
Тебе страшна моя беседа?
Верь, не коварен я душой;
Там, далеко, в стране родной,
Сестру я дсбрую имею,

Сестру чудесной красоты:
Я нежно, нежно дружен с нею
И на нее похожа ты.
Давно... что делать?.. но такая
Уж наша доля полковая!
Давно я, Эда, не видал
Родного счастливого края,
Сестры моей не целовал!
Лицом она, будь сердцем ею;
Мечте моей не измени
И мне любовь твою
Ее любовь напомним!
Мила ты мне. Веселье, муку,
Всё жажду я делить с тобой:
Не уходи, оставь мне руку!
Доверься мне, друг милый мой!» —

С улыбкой вкрадчивой и льстивой,
Так говорил гусар красивой
Финляндке Эде. Русь была
Ему отчизной. В горы Фина
Его недавно завела
Полков бродячая судьбина.
Суровый край: его красам,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своенравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады;
Там дол очей не веселит;

Гранитной лавой он облит;
Главу одевши в мох печальный,
Огромным сторожем стоит
На нем гранит пирамидальный;
По дряхлым скалам бродит взгляд;
Пришлец исполнен смутной думы:
Не мира ль давнего лежат
Пред ним развалины угрюмы?
В доселе счастливой глуши,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, красой души
Блистала Эда молодая.
Прекрасней не было в горах:
Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, волосы златые
В небрежных кольцах по плечам,
И очи бледноглубые
Подобно финским небесам.

День гаснул, скалы позлащая.
Пред хижиной своей одна
Сидела дева молодая,
Лицом спокойна и ясна.
Подсел он скромно к деве скромной.
Завел он кротко с нею речь;
Ее не мыслила пресечь
Она в задумчивости томной,
Внимала слабым сердцем ей:
Так роза первых вешних дней
Лучам неверным доверяет:
Почуя теплый ветерок,
Его лобзаньям открывает

Благоуханный свой шипок,
И не предвидит хлад суровый,
Мертвящий хлад, дохнуть готовый.
В руке гусара моего
Давно рука ее лежала:
В забвеньи сладком у него
Она ее не отнимала.
Он к сердцу бедную прижал:
Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал.
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах,
И наконец в таких словах
Ему Финляндка отвечала:

«Ты мной давно уже любим:
Зачем же нет? Ты добродушен,
Всегда заботливо послушен
Малейшим прихотям моим.
Они докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я:
Душа признательна моя;
Ты мне любезен: не всегда ли
Я угождать тебе спешу?
Я с каждым утром приношу
Тебе цветы; я подарила
Тебе кольцо; всегда была
Твоим весельем весела;
С тобою грустным я грустила.
Что ж? Я и в этом погрешила:
Нам строго, строго не велят

Дружиться с вами. Говорят,
Что версломны, злобны все вы;
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадешь, когда полюбишь:
И ты, я думала не раз,
Ты, может быть, меня погубишь». —

«Я твой губитель, Эда? я?
Тогда пускай мне казнь любую
Пошлет небесный судия!
Нет, нет! я с тем тебя целую!» —
«На что? зачем? какой мне стыд!»
Младая дева говорит.
Уж поздно. Встать, бежать готова
С негодованием она.
Но держит он. «Постой! два слова!
Постой! ты взорами сурова:
Ужель ты мной оскорблена?
О, нет, останься: миг забвенья,
Минуту шалости прости!» —

«Я не сержуся; но пусти!» —

«Твой взор исполнен оскорбленья
И ты лицом не можешь лгать:
Позволь, позволь для примиренья
Тебя еще поцеловать». —
«Оставь меня!» —

«Мой друг прекрасной!
И за ребяческую блажь
Ты неизвестности ужасной

Меня безжалостно предашь!
И не поймешь мое страданье!
И такова любовь твоя!
Друг милый мой, одно лобзанье,
Одно, иль ей не верю я!»

И дева бедная вздохнула,
И милый лик свой, до того
Отвороченный от него,
К нему тихонько обернула.

Как он самим собой владел!
С какою медленностью томной,
И между тем как будто скромной,
Напечатлеть он ей умел
Свой поцелуй! Какое чувство
Ей в грудь младую влил он им!
И лобызанием таким
Владеет хладное искусство!
Ах, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажном пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь полна в душе своей
Желанья смутного заботой,
Ты освежительной дремотой
Уж не сомкнешь своих очей;
Слетят на ложе сновиденья,
Тебе неизвестные досель,
Иль долго жаркая постель
Тебе не даст успокоенья.
На камнях розовых твоих

Весна игриво засветлела,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристой,
И лес прохладой душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица
Не обращай, и в дол прекрасной
Не приходи, а сверх всего,
Беги гусара твоего!
Уже пустыня сном объята;
Встал ясный месяц над горой,
Сливая свет багряный свой
С последним пурпуром заката;
Двойная, трепетная тень
От черных сосен возлегает,
И ночь прозрачная сменяет
Погасший неприметно день.
Уж поздно. Дева молодая,
Жарка ланитами, встает
И молча, глаз не поднимая,
В свой угол медленно идет.

Была беспечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то девичья беседа;
Она приветно и светло
Когда-то всем глядела в очи:
Что ж изменить ее могло?
Что ж это утро облекло
И так внезапно в сумрак ночи?
Она рассеянна, грустна;
В беседах вовсе не слышна;
Как прежде, ясного привета
Ни для кого во взорах нет;
Вопросы долго ждут ответа,
И часто странен сей ответ;
То жарки щеки, то бесцветны
И, тайной горести плоды,
Нередко свежие следы
Горючих слез на них заметны.

Бывало, слишком зашалит
Неосторожный постоялец:
Она к устам приставит палец,
Ему с улыбкой им грозит.
Когда же ей он подарит
Какой-нибудь наряд дешевой,
Финляндка дивной ей обновой
Похвастать к матери бежит,
Меж тем его благодарит
Веселым книксом. Шаловливо
На друга сонного порой
Плеснет холодной водой

И убегает торопливо,
И долго слышен громкий смех
Ее трудов, ее утех.
Всегда в товарищи малюткой
Бывал он призван с милой шуткой.
Взойдет ли утро, ночи ль тень
На усыпленны холмы ляжет,
Ему красotka добрый день
И добру ночь приветно скажет.

Где время то? При нем она
Какой-то робостию ныне
В своих движеньях смущена;
Веселых шуток и в помине
Уж нет; незначащих речей
С ним даже дева не заводит,
Как будто стал он недруг ей;
Зато порой с его очей :
Очей задумчивых не сводит,
Зато порой наедине
К груди гусара, вся в огне,
Бедняжка грудью припадает,
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
К его лобзаньям обращает;
А в ночь бессонную одна,
Одна с раскаяньем напрасным,
Сама волнением ужасным
Души своей устрашена,
Уныло шепчет: что со мною?
Мне с каждым днем грустней,
грустней;

Ах, где ты, мир души моей!
Куда пойду я за тобою!
И слезы детские у ней
Невольно льются из очей.

Она была не без надзора.
Отец ее, крутой старик,
Отчасти в сердце к ней проник.
Он подозрительного взора
С несчастной девы не сводил;
За нею следом он бродил:
И подсмотрел ли что такое,
Но только молодой шалун
Раз видел, слышал, как ворчун
Взад и вперед в своем покое
Ходил сердито, как потом
Ударил сильно кулаком
Он по столу и Эде бедной,
Пред ним трепещущей и бледной,
Сказал решительно: «Поверь,
Не сдобровать тебе с гусаром!
Вы за углами с ним недаром
Всегда встречаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодяя.
Худому выучит. Беда
Падет на дуру. Мне тогда
Забота будет небольшая:
Кто мой обычай ни порочь,
А потаскушка мне не дочь».
Тихонько слезы отирая
У грустной Эды, «что ворчать? —
Сказала с кротостию мать: —

У нас смиренная такая
До сей поры была она,
И в чем теперь ее вина?
Грешись, бедняжку обижая». —
«Да, — молвил он, — ласкай ее.
А я сказал уже свое».

День после, в комнате своей
Уже вечернею порою
Одна с привычною тоскою
Сидела Эда. Перед ней
Святая библия лежала.
На длань склоненная челом,
Она рассеянным перстом
Рассеянно перебирала
Ее измятые листы
И в дни сердечной чистоты
Неволью думой улетала.
Взошел он с пасмурным лицом,
В молчаньи сел, в молчаньи руки
Сжал на груди своей крестом:
Приметы скрытой, тяжелой муки
В нем всё являло. Наконец:
«Долг от меня, — сказал хитрец, —
С тобою требует разлуки.
Теперь услышать милый глас,
Увидеть милые мне очи
Я прихожу в последний раз:
Покроет землю сумрак ночи
И навсегда разлучит нас.
Виною твой отец суровой:
Его укоры слышал я;

Нет, нет, тебе любовь моя
Не нанесет печали новой!
Прости!» Чуть дышуща, бледна,
Гусара слушала она.
«Что говоришь? Возможно ль? Ныне?
И навсегда, любезный мой!..» —
«Бегу отселе: но душой
Останусь в милой мне пустыне.
С тобою видеть я любил
Потоки те же, те же горы;
К тому же небу возводил
С небесной радостью взоры:
С тобой в разлуке свету дня
Уже не радовать меня!
Я волю дал любви несчастной
И погубил, доверясь ей,
За миг летящий, миг прекрасной
Всю красоту грядущих дней.
Но слушай! Срок остался краткой:
Пугаясь ревнивых глаз,
Везде преследующих нас,
Доселе мельком и украдкой
Видались мы; моей мольбой
Не оскорбись. На расставанье
Позволь, позволь иметь с тобой
Мне безмятежное свиданье.
Лишь мраки ночи низойдут,
И сном глубоким до денницы
Отяжелелые зеницы
Твои домашние сомкнут,
Приду я к тихому приюту
Моей любезной: о, покинь

Девичий страх и на минуту
Затвор досадный отодвинь!
Прильну в безмолвии печальном
К твоим устам, о жизнь моя,
И в лобызании прощальном
Тебе оставлю душу я».

Прискорбно дева поглядела
На обольстителя, не смела,
Сама не зная почему,
Она довериться ему:
Бедою что-то ей грозило;
Какой-то страх в нее проник;
Ей смутно сердце говорило,
Что не был прост его язык.
Святая книга, как сначала,
Еще лежавшая пред ней,
Ей долг ее напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижав ее, «нет, нет, — сказала, —
Зачем со злобою такой
Играть моею простотой?
Иль мало было прегрешений?
Еще ль, еще ль охотный слух
Склоню на голос искушений?
Оставь меня, лукавый дух!
Оставь, без новых угрызений».

Но вправду враг ему едва ль
Не помогал: с такою силой
Излил он ропот свой, печаль
Столь горько выразил, что жаль

Гусара стало деве милой:
И слезы падали у ней
В тяжелых каплях из очей.
И в то же время то моленья,
То пени расточал хитрец.
«Что медлишь? Дороги мгновенья! —
К ней приступил он наконец: —
Дай слово!» — «Всею душой тоскуя,
Какое слово дать могу я, —
Сказала, — сжался надо мной!
Владею ль я сама собой!
И что я знаю!» Пылко, живо
Тут к сердцу он ее прижал.
«Я буду, жди меня», сказал,
Сказал и скрылся торопливо.

Уже и холмы и поля
Покрыты мраками густыми.
Смиранный ужин разделя
С неприхотливыми родными,
Вошла девица в угол свой;
На дверь задумчиво взглянула:
«Поверь, опасен гость ночной»,
Ей совесть робкая шепнула,
И дверь ее заложена.
В бумажки мягкие она
Златые кудри завернула,
Снять поспешила как-нибудь
Дня одеяния неловки,
Тяжелодышащую грудь
Освободила от шнуровки,
Легла и думала заснуть.

Уж поздно, полночь, но ресницы
Сон не смыкает у девицы:
«Стучаться будет он теперь.
Зачем задвинула я дверь?
Я своенравна в самом деле.
Пущу его: ведь миг со мной
Пробудет здесь любезный мой,
Потом навек уйдет отселе».
Так мнит уж девица и вот
С одра тихохонько встает.
Ко двери с трепетом подходит,
И вот задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вот руку медленно отводит,
Вот приближает руку вновь;
Железо двинулось: вся кровь
Застыла в девушке несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: «Друг прекрасной,
Не бойся, Эда, это я!»
И от смятенья дух тая,
Полна неведомого жара,
Девица бедная моя
Уже в объятиях гусара.

Увы! досталась в эту ночь
Ему желанная победа:
Чувств упоенных превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда!
Заря багрянит свод небес.
Восторг обманчивый исчез;

С ним улетел и призрак счастья,
Открылась бездна нищеты:
Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья!
Стыдясь пылающего дня,
На крае ложа рокового
Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодого!
Внимай ему: нет, нет, с тобой
Он не снесет разлуки злой;
Тебе все дни его и ночи;
Отец его не устроит:
Он подозренья усыпит,
Обманет бдительные очи;
Твой будет он, покуда жив...
Напрасно всё; она не внемлет,
Очей на друга не подьемлет,
Уста безмолвные раскрыв,
Потупя в землю взор незрящий;
Ей то же друга разговор,
Что ветер бессмысленно свистящий
Среди ущелин финских гор.

Недолго, дева красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нежная любовь
Любви коварной и нещадной.

Идет поспешно день за днем.
Гусару дева молодая

Уже покорствуем во всем.
За ним она, как лань ручная,
Повсюду ходит. То четой
Приемлет их в полдневный зной
Густая сень дубравы сонной,
То зазовет дремучий бор,
То приглашают гроты гор
В свой сумрак неги благосклонной;
Но чаще сходятся они
В долу соседственном, глубоком.
В густой рябиновой сени,
Над быстро льющим потоком
Они садятся на траву.
Порой любовник в томной лени
Послушной деве на колени
Кладет беспечную главу
И легким сном глаза смыкает.
Дух притаив, она внимает
Дыханью друга своего;
Древесной веткой отвечает
Докучных мошек от него;
Его волнистыми власами
Играет детскими перстами.
Когда ж подыметсЯ луна
И дикий край под ней задремлет,
В приют укромный свой она
К себе на одр его приемлет.

Но дева нежная моя
Томится тайною тоскою.
Раз обыкновенною порою
У вод любимого ручья

Они сидели молчаливо.
Любовник в тихом забытьи
Глядел на светлые струи,
Пред ним бегущие игриво.
Дорогой сорванный цветок
Он как-то бросил в быстрый ток.
Вздохнула дева молодая;
На друга голову склоня,
«Так, — прошептала, — и меня
Миг полелея, полаская,
Так на погибель бросишь ты!»
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки свое:
И на ресницах у нее
Невольно слезы навернулись.
Она косынкою своей
Их отерла, и веселей
Глядеть стараяся на друга:
«Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день еще, и, статься может,
Я до разлуки роковой
Не доживу, господь поможет!»

Невинной нежностью не раз
Она любовника смущала,
И сожаленье в нем подчас
И угрызенье пробуждала;
Но чаще, чаще он сучал

Ее любовьню тоскливой
И миг разлуки призывал
Уж как свободы миг счастливой.
Не тщетно!

Буйный швед опять
Не соблюдает договоров:
Вновь хочет с Русским испытать
Неравный жребий бранных споров...
Уж переходят за Кюмень
Передовые ополченья:
Война, война! Грядущий день
День рокового разлученья.

Нет слез у девы молодой.
Мертва лицом, мертва душой,
На суету походных сборов
Глядит она: всему конец!
На ней встревоженный хитрец
Остановить не смеет взоров.
Сгустилась ночь. В глубокий сон
Всё погрузилося. Унылой
В последний раз идет он к милой.
Ей утешенья шепчет он,
Ее лобзает он напрасно.
Внимает, чувства лишена;
Дает лобзать себя она,
Но безответно, безучастно!
Мечтанья все бежали прочь.
Они томительную ночь
В безмолвной горести проводят.
Уж в путь зовет сиянье дня,

Уже ретивого коня
Младому воину подводят,
Уж он садится. У дверей
Пустынной хижины своей
Она стоит, мутна очами.
Девуца бедная, прости!
Уж по далекому пути
Он поскакал. Уж за холмами
Не виден он твоим очам...
Согнув колена, к небесам
Она сперва воздела руки,
За ним простерла их потом
И в прах поверглася лицом
С глухим стенаньем смертной муки.

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными.
Из-под одежды снеговой
Кой-где вставая головами,
Скалы чернеют за скалами.
Во мгле волнистой и седой
Исчезло небо. Зашумели,
Завыли зимние метели.
Что с бедной девуцей моей?
Потух огонь ее очей;
В ней Эды прежней нет и тени;
Изнемогает в цвете дней:
Но чужды слезы ей и пени.
Как небо зимнее бледна,
В молчаньи грусти безнадежной,

Сидит недвижно у окна.
Сидит, и бури вой мятежной
Уныло слушает она,
Мечтая: «нет со мною друга;
Ты мне постыл, печальный свет!
Кснца дождусь ли я, иль нет?
Когда, когда сметешь ты, вьюга,
С лица земли мой легкий след?
Когда, когда на сон глубокий
Мне даст могила свой приют,
И на нее сугроб высокий
Бушуя, ветры нанесут?»

Кладбище есть. Теснятся там
К холмам холмы, кресты к крестам,
Однообразные для взгляда;
Их (меж кустами чуть видна,
Из круглых камней сложена)
Обходит низкая ограда,
Лежит уже давно за ней
Могила девицы моей.

И кто теперь ее отыщет,
Кто с нежной грустью навестит?
Крутом всё пусто, всё молчит;
Порою только ветер свищет
И можжевельник шевелит.

Э П И Л О Г

Ты покорился, край гранитный,
России мочь изведаль ты,
И не столкнешь ее пяты,

Хоть дышишь к ней враждою
скрытною!

Срок плена вечного настал,
Но слава падшему народу!
Бесстрашно он оборонял
Угрюмых скал своих свободу.
Из-за утесистых громад
На нас летел свинцовый град;
Вкусить не смела краткой неги
Рать, утомленная от ран:
Нож исступленный поселян
Окровавлял ее ночлеги!
И всё напрасно! Чудный хлад
Сказал Ботнические воды;
Каким был ужасом объят
Пучины бог седо-брадат,
Как изумилися народы,
Когда хребет его льдяной,
Звеня под русскими полками,
Явил внезапную стеной
Их перед шведскими брегами!
И как Стокгольм оцепенел,
Когда над ним, шумя крылами,
Орел наш грозный возлетел!
Он в нем узнал орла Полтавы!
Всё покорилось. Но не мне,
Певцу, не знающему славы,
Петь славу храбрых на войне.
Питомец муз, питомец боя,
Тебе, Давыдов, петь ее.
Венком певца, венком героя
Чело украшено твое,

Ты видел финские граниты,
Бесстрашных кровию омыты;
По ним водил ты их строи.
Ударь же в струны позабыты
И вспомни подвиги твои!

(1824—1825)

БАЛ

Глухая полночь. Строем длинным,
Осеребренные луной,
Стоят кареты на Тверской
Пред домом пышным и старинным.
Пылает тысячью огней
Обширный зал; с высоких хоров
Ревут смычки; толпа гостей;
Гул танца с гулом разговоров.
В роскошных перьях и цветах,
С улыбкой мертвой на устах,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки светские сидят
И на блестящий вихорь зала
С тупым вниманием глядят.
Кружатся дамы молодые,
Не чувствуя себя самих;
Драгими камнями у них
Горят уборы головные;
По их плечам полунагим
Златые локоны летают;
Одежды легкие, как дым,
Их легкий стан обозначают.
Вокруг пленительных Харит
И суетится и кипит

Толпа поклонников ревнивых;
Толкует, ловят каждый взгляд;
Шутя, несчастных и счастливых
Вертушки милые творят.

В движеньи всё. Горя добиться
Вниманья лестного красы,
Гусар крутит свои усы,
Писатель чопорно острится,
И оба правы: говорят,
Что в то же время можно дамам,
Меня слева взгляд на взгляд,
Смеяться справа эпиграммам.
Меж тем и в ленте и в звездах,
Порою с картами в руках,
Выходят важные бояры,
Встав из-за ломберных столов,
Взглянуть на мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.

Но гости глухо зашумели,
Вся зала шопотом полна:
«Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей». Ужели?
— В кадрили весело вертись,
Вдруг помертвела! — Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной,
Женою вашею? — Бог весть,
Мигрень, конечно!.. в сюрсах шесть.
— Что с ней, кузина? танцовали
Вы в ближней паре, видел я? —

«В кругу пристойном не всегда ли
Она как будто не своя?»

Злословье правду говорило.
В Москве меж умниц и меж дур
Моей княгине чересчур
Слыть Пенелопой трудно было.
Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит:
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?
Но как влекла к себе всеильно
Ее живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбалися умильно!
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивых
Своих лазоревых очей
И свежести ланит стыдливых
Не отдала бы сей же час
За яркий глянец черных глаз,
Облитых влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланит?
Какая Фее самовластной
Не уступила б из Харит?

Как в близких сердца разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно нежна.
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламенея,
Как зла в словах, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слезы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В нее томленья слезы те:
Кто б не отер их у печали,
Кто б не оставил красоте?

Страшась прелестницы опасной,
Не подходи: обвездена
Волшебным очерком она;
Кругом её заразы страстной
Исполнен воздух! Жалок тот,
Кто в сладкий чад его вступает:
Ладью пловца водоворот
Как на погибель увлекает!
Беги её: нет сердца в ней!
Страшися вкрадчивых речей
Одуревающей приманки;
Влюбленных взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячий жар — не жар любви.

Так, не сочувствия прямого
Могуществом увлечена,

На грудь роскошную она
Звала счастливец молодого:
Он пересоздан был на миг
Ее живым воображеньем;
Ей своенравный зрелся лик,
Она ласкала с упоеньем
Одно видение свое.
И гасла вдруг мечта ее:
Она вдалась в обман досадный,
Ее прельститель ей смешон,
И средь толпы Лаисе холодной
Уж не приметен будет он.

В часы томительные ночи,
У тех естественных чужда,
Так чародейка иногда
Себе волшебством тешит очи:
Над ней слились из облаков
Великолепные чертоги;
Она на троне из цветов,
Ей угождают полубоги:
На миг один восхищена
Живым видением она;
Но в ум приходит с изумленьем,
Смеется сердце забвению
И с тьмой сливает мановеньем
Мечту блестящую свою.

Чей образ кисть нарисовала!
Увы: те дни уж далеко,
Когда княгиня так легко
Воспламенялась, остывала!

Когда, питомице прямой
И Эпикура и Ниноны,
Летучей прихоти одной
Ей были ведомы законы!
Посланник рока ей предстал,
Смущенный взор очаровал,
Поработил воображенье,
Слиял все мысли в мысль одну
И пролил страстное мученье
В глухую сердца глубину.

Красой изнеженной Арсений
Не привлекал к себе очей:
Следы мучительных страстей,
Следы печальных размышлений
Носил он на челе; в очах
Беспечность мрачная дышала,
И не улыбка на устах —
Усмешка праздная блуждала.
Он незадолго посещал
Края чужие: там искал,
Как слышно было, развлеченья
И снова родину узрел;
Но, видно, сердцу исцеленья
Дать не возмог чужой предел.

Предстал он в дом моей Лаисы,
И остряков задорный полк,
Не знаю как, пред ним умолк —
Главой поникли Адонисы.
Он в разговоре поражал
Людей и света знаньем редким,

Глубоко в сердце проникал
Лукавой шуткой, словом едким,
Судил разборчиво певца,
Знал цену кисти и резца,
И сколько ни был хладно-сжатым
Привычный склад его речей,
Казался чувствами богатым
Он в глубине души своей.

Неодолимо, как судьбина,
Не знаю что, в игре лица,
В движеньи каждом пришлеца,
К нему влекло тебя, о Нина!
С него ты не сводила глаз...
Он был учтив, но хладен с нею,
Ее смущал он много раз
Улыбкой опытной своею;
Но, жрица давняя любви,
Она ль не знала, как в крови
Родить мятежное волненье,
Как в чувства дикий жар вдохнуть...
И всемогущее мгновенье
Его повергло к ней на грудь.

Мои любовники дышали
Согласным счастьем два-три дни;
Через день, другой потом они
Несходство в чувствах показали.
Забвенья страстного полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
К нему ласкалась; но суровый,

Унылый часто зрелся он:
Пред ним летал мятежный сон;
Всегда рассеянный, судьбину,
Казалось, в чем-то он винил,
И, прижимая к сердцу Нину,
От Нины сердце он таил.

Неблагодарный! Им у Нины
Все мысли были заняты:
Его любимые цветы,
Его любимые картины
У ней являлися. Не раз
Блистали новые уборы
В ее покоях, чтоб на час
Ему прельстить, потешить взоры.
Был втайне убран кабинет,
Где сладострастный полусвет,
Богинь роскошных изваянья,
Курений сладких легкий пар,
Животворило всё желанья,
Вливало в сердце томный жар.

Вотще! Он предан был печали.
Однажды (до того дошло)
У Нины вспыхнуло чело
И очи ярко заблистали.
Страстей противных беглый спор
Лицо явило. «Что с тобою»,
Она сказала: «что твой взор
Всё полон мрачною тоскою?
Досаду давнюю мою
Я боле в сердце не таю:

Печаль с тобою неразлучна;
Стыжусь, но ясно вижу я:
Тебе тяжка, тебе докучна
Любовь безумная моя!

Скажи, за что твое презренье?
Скажи, в сердечной глубине
Ты нечувствителен ко мне
Иль недоверчив? Подозренье
Я заслужила. Старины
Мне тяжело воспоминанье:
Тогда всечасной новизны
Алкало у меня мечтанье;
Один кумир на долгий срок
Поработить меня не мог;
Любовь сегодняшняя трудно
Жила до завтрашнего дня:
Мне вверить сердце безрассудно;
Ты прав, но выслушай меня.

Беги со мной: земля велика!
Чужбина скроет нас легко,
И там, безвестно, далеко,
Ты будешь полный мой владыка.
Ты мне Италию порой
Хвалил с блестящим увлеченьем;
Страну, любимую тобой,
Узнала я воображеньем:
Там солнце пышно, там луна
Восходит сладости полна;
Там вьются лозы винограда,
Шумят лавровые леса.

Туда! туда! с тобой я рада
Забуть родные небеса.

Беги со мной! Ты безответен?
Ответствуй, жребий мой реши.
Иль нет! Зачем? Твоей души
Упорный холод мне приметен.
Молчи же! не нуждаюсь я
В словах обманчивых — довольно!
Любовь несчастная моя
Мне свыше казнь... но больно, больно!
И зарыдала. Возмущен
Ее тоской: «Безумный сон
Тебя увлек», сказал Арсений:
«Невольный мрак души моей —
След прежних, жалких заблуждений
И прежних гибельных страстей.

Его со временем рассеет
Твоя волшебная любовь:
Нет, не тревожься, если вновь
Тобой сомненье овладеет!
Моей печали не вини».
День после, мирною четюю,
Сидели на софе они.
Княгиня томною рукою
Обняла друга своего
И прилегла к плечу его.
На ближний столик, в думе скрытной,
Облокотясь, Арсений наш
Меж тем по карточке визитной
Водил небрежный карандаш.

Давно был вечер. С легким треском
Горели свечи на столе,
Кумиров мрамор в дальней мгле
Кой-где блистал неровным блеском.
Молчал Арсений, Нина тож:
Вдруг, тайным чувством увлеченный,
Он восклицает: «Как похож!»
Проснулась Нина. «Друг бесценный!
Похож! Ужели! мой портрет!
Взглянуть позволь... Что же это? Нет!
Не мой! жеманная девчонка
Со сладкой глупостью в глазах,
В кудрях мохнатых, как болонка,
С улыбкой сонной на устах!

Скажу, красавица такая
Меня затмила бы совсем...»
Лицо княгини между тем
Покрыла бледность гробовая.
Ее дыханье отошло,
Уста застыли, посинели;
Увлажил холодный пот чело,
Непомертвевые блестели
Глаза одни. Вещать хотел
Язык мятежный, но коснел:
Слова сливались в лепетанье;
Мгновенье долгое прошло,
И наконец ее страданье
Свободный голос обрело.

«Арсений, видишь, я мертвею;
Арсений, дашь ли мне ответ!

Знаком ты с ревностию?.. Нет!
Так ведай, я знакома с нею,
Я к ней способна! Встарину,
Меж многих редкостей востока,
Себе я выбрала одну...
Вот перстень... с ним я выше рока!
Арсений! мне в защиту дан
Могучий этот талисман;
Знай, никакое заключенье
Меня при нем не устрасит.
В глазах твоих недоуменье,
Дивишься ты! Он яд таит».

У Нины руку взял Арсений:
«Спокойна совесть у меня»,
Сказал, «но дожил я до дня
Тяжелых сердцу откровений.
Внимай же мне. С чего начну?
Другой дышал я в старину,
Не предавайся гневу, Нина!
Хотела то сама судьбина.
Росли мы вместе. Как мила
Малютка Олинька была!
Ее мгновеньями иными
Еще я вижу пред собой,
С очами темноглубыми,
С темнокудрявой головой.

Я называл ее сестрою,
С ней игры детства я делил;
Но год за годом уходил
Обыкновенной чередою

Исчезло детство. Притекли
Дни непонятого волнения,
И друг на друга возвели
Мы взоры, полные томленья.
Обманчив разговор очей.
И руку Олиньки моей
Сжимая робкою рукою,
«Скажи», шептал я иногда,
«Скажи, любим ли я тобою?».
И слышал сладостное да.

В счастливый дом, себе на горе,
Тогда я друга ввёл. Лицом
Он был приятен, жив умом;
Обворожил он Ольгу вскоре.
Всегда встречались взоры их,
Всегда велся меж ними шопот.
Я мук язвительных моих
Не снес: излил ревнивый ропот.
Какой же ждал меня успех?
Мне был ответом детский смех!
Ее покинул я с презреньем,
Всю боль души в душе тая.
Сказал прости всему: но мщеньем
Сопернику поклялся я.

Всечасно, колкими словами
Скучал я, досаждал ему,
И по желанью моему,
Вскипела ссора между нами:
Стрелялись мы. В крови упав,
Навек я думал мир оставить;

С одра восстал я телом здоров,
Но сердцем болен. Что прибавить?
Бежал я в дальние края.
Увы! Под чуждым небом я
Томился тою же тоскою.
Родимый край узрев опять,
Я только с милою тобою
Душою начал оживать».

Умолк. Бессмысленно глядела
Она на друга своего,
Как будто повести его
Еще вполне не разумела;
Но от руки его потом
Освободив тихонько руку,
Вдруг содрогнулась лицом,
И все в ней выразило муку,
И обессилена, томна,
Главой поникнула она.
«Что, что с тобою, друг бесценный!»
Вскричал Арсений. Слух его
Внял только вздох полустесненный.
«Друг милый, что ты?» — «Ничего».

Еще на крыльях торопливых
Промчалось несколько недель
В размолвках бурных, как досель,
И в примиреньях несчастливых.
Но что же, что же напослед?
Сегодня друга нет у Нины,
И завтра, послезавтра нет!
Напрасно, полная кручины,

Она с дверей не сводит глаз
И мнит: он будет через час.
Он позабыл о Нине страстной.
Он не вошел, вошел слуга,
Письмо ей подал... миг ужасный!
Сомненья нет: его рука!

«Что медлить», к ней писал Арсений,
«Открыться должно... небо! в чем?
Едва владею я пером,
Ищу напрасно выражений.
О Нина! Ольгу встретил я;
Она поныне дышит мною,
И ревность прежняя моя
Была неправой и смешною.
Удел решен. По старине
Я верен Ольге, верной мне.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до поздних дней:
В нем понесу я наказанье
Ошибок юности моей».

Для своего и для чужого
Незрима Нина: всем одно
Твердит швейцар ее давно:
Не принимает, нездорова!
Ей нужды нет ни в ком, ни в чем;
Питье и пищу забывая,
В покое дальнем и глухом
Она, недвижимая, немая,
Сидит и с места одного
Не сводит взора своего.

Глубокой муки сон печальный!
Но двери пашут растворясь:
Муж, не весьма сантиментальный,
Сморкаясь громко, входит князь.

И вот садится. В размышленье
Сначала молча погружен,
Ногой потряхивает он;
И наконец: «С тобой мученье!
Без всякой грусти ты грустишь;
Как поглжу, совсем больна ты.
Ей-ей! с трудом вообразишь,
Как вы причудами богаты!
Опомниться тебе пора.
Сегодня бал у князь-Петра;
Забудь фантазии пустые
И от людей не отставай:
Там будут наши молодые,
Арсений с Ольгой. Поезжай.

Ну что, поедешь ли?» — «Поеду»,
Сказала, странно оживясь,
Княгиня. «Дело», молвил князь,
«Прощай, спешу я в клуб к обеду». —
Что, Нина бедная, с тобою?
Какое чувство овладело
Твоей болезненной душой?
Что оживить ее умело?
Ужель надежда? Торопясь
Часы летят; уехал князь;
Пора готовиться княгине.
Нарядами окружена,

Давно не бывшими в помине,
Перед трюмо стоит она.

Уж газ на ней, струясь, блистает;
Роскошно, сладостно очам
Рисует грудь, поток к ногам
С гирляндой яркой упадет.
Алмаз мелькающих серег
Горит за черными кудрями;
Жемчуг чело ее облеп
И меж обильными косами,
Рукой искусной пропущен,
То видим, то невидим он.
Над головою перья веют;
По томной прихоти своей,
То ей лицо они лелеют,
То дремлют в локонах у ней.

Меж тем (к какому разрушенью
Ведет сердечная гроза!)
Ее потухшие глаза
Окружены широкой тенью
И на щеках румянца нет:
Чуть виден в образе прекрасном
Красы бывалой слабый след!
В стекле живом и беспристрастном
Княгиня бедная моя,
Глядяся, мнит: «и это я,
Но пусть на страшное виденье
Он взор смущенный возведет:
Пускай узрит свое творенье
И всю вину свою поймет».

Другое тяжкое мечтанье
Потом волнует душу ей:
«Ужель сопернице моей
Отдамся я на поруганье:
Ужель спокойно я снесу,
Как, торжествуя надо мною,
Свою цветущую красу
С моей увядшею красою
Сравнит насмешливо она!
Надежда есть еще одна:
Следы печали я сокрою
Хоть вполовину, хоть на час...»
И Нина трепетной рукою
Лицо румянит в первый раз.

Она явилася на бале.
Что ж возмутило душу ей?
Толпы ли ветреных гостей
В ярко блестящей, пышной зале,
Беспечный лепет, мирный смех?
Порывы ль музыки веселой,
И словом, этот вихрь утех,
Больным душою столь тяжелый?
Или двусмысленно взглянуть
Посмел на Нину кто-нибудь?
Иль лишним счастьем блистало
Лицо у Ольги молодой?
Чтоб ни было, ей дурно стало,
Она уехала домой.

Глухая ночь. У Нины в спальней,
Лениво споря с темнотою,

Перед иконой золотой
Лампада точит свет печальный.
То пропадет во мраке он,
То заиграет на окладе;
Кругом глубокий, мертвый сон!
Меж тем в блистательном наряде,
В богатых перьях, жемчугах,
С румянцем странным на щеках,
Ты ль это, Нина, мною зрима?
В переливающейся мгле
Зачем сидишь ты недвижима
С недвижной думой на челе?

Дверь заскрипела: слышит ухо
Походку чью-то на полу;
Перед иконою в углу,
Стал и закашлял кто-то глухо.
Сухая, дряхлая рука
Из тьмы к лампаде потянулась;
Светильню тронула слегка,
Светильня сонная очнулась,
И свет неожиданный и живой
Вдруг озаряет весь покой:
Княгини мамушка седая
Перед иконою стоит,
И вот уж, набожно вздыхая,
Земной поклон она творит.

Вот поднялась, перекрестилась;
Вот поплелась было домой:
Вдруг видит Нину, пред собой,
На полпути остановилась.

Глядит печально на нее,
Качает старой головою:
«Ты ль это, дитяtko мое,
Такою позднею порою?..
И не смыкаешь очи сном,
Горюя бог знает о чем!
Вот так-то ты свой век проводишь,
Хоть от ума, да не умно:
Ну, право, ты себя уходишь,
А ведь грешно, куда грешно!

И что в судьбе твоей худого?
Как погляжу я, полон дом
Не перечесть каким добром;
Ты роду-звания большого;
Твой князь приятного лица,
Душа в нем кроткая такая:
Всечасно вышнего творца
Благословляла бы другая!
Ты позабыла бога... да,
Не ходишь в церковь никогда:
Поверь, кто господа оставит,
Того оставит и господь,
А он-то духом нашим правит,
Он охраняет нашу плоть!

Не осердись, моя родная;
Ты знаешь, мало ли о чем
Мелю я старым языком:
Прости, дай ручку мне». Вздыхая,
К руке княгининной она
Устами ветхими прильнула:

Рука ледяно-холодна.
В лицо ей с трепетом взглянула:
На нем поспешный смерти ход;
Глаза стоят и в пене рот...
Судьбина Нины совершилась,
Нет Нины! ну так что же? Нет!
Как видно, ядом отравилась,
Сдержала страшный свой обет!

Уже билеты роковые,
Билеты с черною каймой,
На коих брэнности людской
Трофеи, модой принятые,
Печально поражают взгляд:
Где сухощавые Сатурны
С косами грозными сидят,
Склонясь на траурные урны:
Где кости мертвые крестом
Лежат разительным гербом
Под гробовыми головами, —
О смерти Нины должну весть
Узаконенными словами
Спешат по городу разнести.

В урочный день, на вынос тела,
Со всех концов Москвы большой,
Одна карета за другой
К хоромам князя полетела.
Обсев гостиную кругом,
Сначала важное молчанье
Толпа хранила: но потом
Возникло томное жужжанье:

Оно росло, росло, росло
И в шумный говор перешло.
Объятый счастливым забвеньем,
Сам князь за дело принялся
И жарким богословским преньем
С ханжой каким-то занялся.

Богатый гроб несчастной Нины,
Священством пышным окружен,
Был в землю мирно опущен;
Свет не узнал ее судьбины.
Князь без особого труда
Свой жребий вышней воле предал.
Поэт, который завсегда
По четвергам у них обедал,
Никак с желудочной тоски
Скропал на смерть ее стишки.
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что их законная страница
В журнале дамском приняла.

(1825--1828)

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения расположены в хронологическом порядке (насколько это позволила сделать степень известности их датировки), за исключением стихотворений сборника «Сумерки», воспроизведенного почти целиком.

Поэмы выделены в самостоятельный раздел и расположены в хронологическом порядке. Дата, взятая в круглые скобки, обозначает год написания стихотворения; в прямых скобках дается год появления в печати.

Печатаются по текстам «Полного собрания стихотворений» Баратынского. Большая серия «Библиотеки поэта». Л. 1936.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1819—1834

К Креницину. Адресовано Креницину Александру Николаевичу (1801—1865), поэту, товарищу Баратынского по корпусу. За участие в корпусном бунте и за «вольнодумные» стихи Креницын был исключен из корпуса и разжалован в рядовые.

Разлука. Подражание элегии Парни.

К о н ш и н у («Поверь, мой милый друг».) Адресовано Николаю Михайловичу Коншину (1794—1865), второстепенному поэту, в то время офицеру Нейшлотского полка, ротному командиру Баратынского и одному из его ближайших финляндских друзей.

Э п и г р а м м а («Поэт писцов...»). Направлено против Д. И. Хвостова.

К. . . («Приятель строгий, ты не прав»). Адресовано Ф. В. Булгарину, в то время еще начинающему литератору, вращавшемуся в кругах декабристской молодежи.

Р и м. Тема стихотворения — судьба Рима, как прообраз исторической неустойчивости государственных форм — восходит к 46—48 строфам песни IV поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд».

В о з в р а щ е н и е. Довольно близкий перевод элегии Мильвуа.

Л у т к о в с к о м у. Адресовано Лутковскому Георгию Алексеевичу (ум. 1831 г.), командиру Нейшлотского полка, в котором Баратынский служил в Финляндии. «Военные рассказы» Лутковского относятся к Наполеоновской кампании, участником которой он был. «Эппендорфские трофеи» — тро-

феи русской армии, взятые в битве при селе-
нии Эппендорф (Саксония).

Падение листьев. Вольный пере-
вод элегии Мильвуа.

Л е т а. Перевод восьмистишия Мильвуа.

Гнедичу, который советовал
сочинителю писать сатиры. *Ред-
кий муж, вельможа-гражданин* — Н. С. Мор-
двинов — адмирал екатерининских, «Фелицы-
ных» времен, в 1820-х гг. вельможа, извест-
ный своим либерализмом.

К... («Мне с упоением заметным»...)
«Меж мудрецами был чудак...» и след. —
имеется в виду Декарт и его знаменитое из-
речение: «Я мыслю, следовательно я суще-
ствую».

«О своенравная София!» адре-
совано Софии Дмитриевне Пономаревой,
урожд. Позняк. Пономарева была предметом
поклонения многих известных людей своего
времени. Баратынский часто посещал салон
Пономаревой в 1821—1823 гг. и был увле-
чен ею.

К... («Как много ты»). Адресовано
Аграфене Федоровне Закревской, жене
финляндского губернатора.

«Отчизны враг, слуга царя».
Направлено против Аракчеева.

К жестокой. Адресовано, повиди-
мому, С. Д. Пономаревой.

Девушке, имя которой было
Аврора. Адресовано Авроре Карловне
Шериваль, дочери Выборгского ландсгевдинга
(губернатора). Баратынский познакомился
с нею в Финляндии в начале 1825 года.

О ж и д а н и е. Перевод элегии Парни.

А. А. Воейковой. Адресовано Але-
ксандре Андреевне Воейковой, жене журна-
листа и поэта А. Ф. Воейкова, воспетой
Жуковским под именем Светланы.

К... («Не бойся едких осужде-
ний».) Стихотворение обращено, повиди-
мому, к Мицкевичу. В 1824 г. Мицкевич за
участие в национально-освободительных орга-
низациях был выслан в Россию и 1825—
1829 гг. провел в Москве. Русскими литера-
торами и московским светом стихи Мицке-
вича (вышли отдельной книгой «Сонеты» в
1826 г.) встречались восторженно. Под «ед-
кими суждениями» Баратынский подразуме-
вает неодобрительные отзывы, неоднократно
проскальзывавшие о Мицкевиче в польской
печати.

Эпиграмма («Идиллик новый на искус»). Эпиграмма направлена, очевидно, на поэта В. И. Панаева (1792—1859), автора сентиментальных идиллий.

Стансы («Судьбой наложенные цепи...»). В стихотворении имеется в виду приезд Баратынского весной 1827 г. вместе с женой и новорожденной дочерью в Мару — тамбовское имение Баратынских, в котором родился и вырос поэт. В 6-й строфе говорится о казненных и сосланных декабристах, многие из которых были друзьями молодости Баратынского. Посвященные декабристам стихи:

Далече бедствуют иные.

И в мире нет уже других...

перефразируют эпиграф Пушкина (взятый им из Саади) к «Бахчисарайскому фонтану»: «Иных уж нет, другие странствуют далече».

При посылке «Бала»... Адресовано Софье Львовне Энгельгардт — сестре жены поэта.

К З. А. Волконской. Зинаида Александровна Волконская, красавица московского света, поэтесса, композитор и певица. В 20-х годах прошлого века ее дом был средоточием художественной и свет-

ской жизни Москвы. Стихотворение написано по поводу отъезда Волконской в феврале 1829 г. в Италию.

В альбом («Альбом походит на кладбище»). Обращено к поэтессе Каролине Яниш, впоследствии жене писателя Н. Ф. Павлова.

Из А. Шенье. Сокращенный перевод элегии Андре Шенье.

«Не подражай: своеобразен гений». Адресовано Мицкевичу по поводу его поэмы «Конрад Валленрод» (вышла в феврале 1828 г.), написанной под сильным влиянием Байрона.

Эпиграмма («Что пользы вам от шумных наших прений?») Написано по поводу разгоревшейся в 1829 г. журнальной полемики между издателем журнала «Московский телеграф» — Н. Полевым и С. Раичем — издателем «Галатеи».

Историческая эпиграмма. Эпиграмма направлена против М. Т. Каченовского, литератора консервативно-классического направления, редактора журнала «Вестник Европы» и профессора истории (отсюда «Историческая эпиграмма»). В конце 1828 — начале 1829 г. Каченовский поме-

стил в «Вестнике Европы» статьи Н. И. Надеждина против романтизма, резко критикующие творчество Пушкина. В одной из этих статей Надеждин напал на романтическую поэму Баратынского «Бал» (1828). «Историческая эпиграмма» явилась ответом на эти статьи.

Эпиграмма («Поверьте мне — Фиглярин-моралист»). Направлено против Ф. В. Булгарина (Фиглярин) и написано по поводу выхода его «нравственно-сатирического» романа «Иван Выжигин» (1829).

К. А. Свербеевой. Адресовано Екатерине Александровне Свербеевой, жене Д. Н. Свербеева, литератора, близкого Баратынскому кругу. Стихотворение написано по поводу отъезда Свербеевых в 1829 г. за границу.

Подражателям. Направлено против эпигонов «романтического» направления, наводнивших русскую поэзию конца 20-х гг. многочисленными подражаниями Пушкину, Жуковскому, Баратынскому.

Эпиграмма («Он вам знаком»). Не дворянин — купец по происхождению, Н. А. Полевой. Эпиграмма написана в ответ на резкий памфлет Н. Полевого. «Утро в кабинете знатного барина», в котором

Полевой высмеивал обращенное к кн. Юсупову послание Пушкина «К вельможе» и упрекал поэта в низкопоклонстве.

Эпиграмма («В восторженном невежестве своем»). Направлена против Н. А. Полевого в связи с разгоревшейся в конце 1829 — начале 1830 г. полемикой вокруг первого тома его «Истории русского народа». В этом труде Полевой, с позиций новейшей западной буржуазной исторической школы (Гизо, Нибур) и в противовес «Истории Государства российского» Н. М. Карамзина, выдвигал программу изучения социальной истории. Говоря «на свой аршин он славу нашу мерит», Баратынский намекает на купеческое происхождение Полевого и имеет в виду оспариваемую им литературную славу Карамзина.

Мой Элизий. Посвящено памяти Дельвига, умершего 14 января 1831 года.

Языкову. Послание является откликом на стихотворение Н. М. Языкова. 1831 г. «И. В. Киреевскому, В альбом» («Поэт, вхожу я горделиво»). Говоря о «хулителе», Баратынский имеет в виду Н. А. Полевого, с конца 20-х гг. постоянно упрекавшего Языкова в бессодержательности его стихов.

На смерть Гете. Гёте умер 22 марта 1832 г.

Запустение. Написано под впечатлением посещения Баратынским осенью 1833 г. тамбовского имения Баратынских Мара («пленительная сень»), находившегося в то время в запущенном состоянии. *Тот не был мыслию, тот не был сердцем хладен* имеется в виду отец поэта, Абрам Андреевич Баратынский (ум. в 1810 г.).

«О, верь: ты, нежная». Обращено к жене поэта.

«Своей правное прозвание». Обращено к жене поэта.

«Вот верный список впечатлений...» Написано в виде предисловия к собранию стихотворений Баратынского 1835 года. При жизни поэта не печаталось.

СУМЕРКИ

(1834—1841)

«Сумерки», последний прижизненный сборник стихотворений Баратынского, вышел в 1842 г. В основном в него вошли стихотворения 1834—1841 гг.

Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Написано в сопровождение предназначавшегося Вяземскому экземпляра издания стихотворений Баратынского 1835 года.

Последний поэт. Этим стихотворением Баратынский отвечает на усиленно обсуждавшийся в европейской и русской журналистике и критике тех лет вопрос о развитии денежных, капиталистических тенденций «современного», т. е. XIX в.

Ропот. Направлено против литераторов круга журнала «Москвитянин».

«Филида с каждою зимою». Под именем «Филиды» скрывается Елизавета Михайловна Хитрово, светская дама.

«Здравствуй, отрок сладкогласный!» Адресовано сыну поэта, Льву Евгеньевичу Баратынскому (1829—1906), по поводу первого написанного им стихотворения.

«Что за звуки? мимоходом...» На языке Баратынского 30-х гг. и его круга «художник» значит — ремесленник искусства, в противоположность избраннику — гению.

Осень. Стихотворение писалось под впечатлением трагических для поэта и для

всего его круга журнала «Московский Наблюдатель» крупнейших событий общественно-литературной жизни того времени — Чаадаевской истории и гибели Пушкина. Можно думать, что строфа 15-я содержит в себе намек на гибель Пушкина и на холодное равнодушие, с которым это событие было встречено в официальных и светских кругах.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1841—1844

«Спасибо злобе хлопотливой». Это стихотворение, равно как и за ним следующие, вызвано мучившим Баратынского на протяжении 1841—1842 гг. подозрением о тайной травле его со стороны его прежних друзей и единомышленников, объединенных в то время журналом «Москвитянин».

Коттери и. Направлено против литераторов круга журнала «Москвитянин».

«Люблю я вас, богиня пенья!». Стихотворение связано с тем же биографическим мотивом, что и два предыдущие.

На посев леса. См. примечание к стихотворению «Спасибо злобе хлопотливой».

«Когда дитя и страсти и сомне-
нья». Обращено к жене поэта.

Дядьке-итальянцу. Обращено к
памяти давно умершего воспитателя поэта,
итальянца Жьячинго Боргезе. Москва нас
приняла, расставшихся с деревней — в
1808 г. семья Баратынского переселилась из
имения Мара в Москву. Увы! оставив там
могилу дорогую и след. — могила отца
поэта, Абрама Андреевича, скончавшегося
в 1810 г., после чего Баратынские верну-
лись в Мару.

ПОЭМЫ

П и р ы. В отдельном издании поэмы
(1826) ей был предпослан эпиграф: «Вообра-
жение раскрасило тусклые окна тюрьмы Сер-
ванта. Стерн» и предисловие: «Сия неболь-
шая поэма писана в Финляндии. Это свое-
нравная шутка, которая, подобна музыкаль-
ным фантазиям, не подлежит строгому кри-
тическому разбору. Сочинитель писал ее в
веселом расположении духа: мы надеемся,
что не будут судить его сердито».

Э д а. Исторический фон «Эды» — Фин-
ляндия, 1807—1808 гг. накануне присоеди-
нения ее к России. В стихе «Буйный швед
опять не соблюдает договоров» имеется в

виду отказ Швеции примкнуть к союзу России с Францией против Англии.

Б а л. Прототипом героини поэмы — Нины Воронской послужила графиня А. Ф. Закревская, известная в свое время светская львица и красавица. В поэме отражено увлечение Баратынского Закревской.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ СОЧИНЕНИЙ Е. БАРАТЫНСКОГО

При жизни Баратынского вышли следующие издания:

«Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма Евгения Баратынского». Спб., 1826 г.

«Стихотворения Евгения Баратынского». М., 1827 г.

«Бал. Повесть, сочинение Евгения Баратынского». Спб., 1828. Издано в одной книжке с «Графом Нулиным» Пушкина под заглавием «Две повести в стихах».

«Наложница. Сочинение Е. Баратынского». М., 1831.

«Стихотворения Евгения Баратынского». М., 1835, в двух частях. Часть первая — стихотворения — повторяет почти полностью состав сборника 1827 г. с добавлением стихотворений, написанных в последующие за его выходом годы. Часть вторая поэмы — включает поэмы, выходявшие до этого отдельными изданиями.

«Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского». М., 1842. Сборник стихотворений 1834—1841 гг.

Из посмертных изданий:

«Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. Издание четвертое». Казань, 1884. Наряду с стихотворными произведениями Баратынского в издание вошли проза и большое количество писем поэта.

«Баратынский. Полное собрание стихотворений. Редакция, комментарии и биографическая статья Е. Купреяновой и И. Медведевой». «Советский писатель», «Библиотека поэта», Л., 1936. В двух томах. Том I — стихотворения, том II — поэмы.

Баратынский. Стихотворения. Вступительная статья, ред. и прим. Е. Купреяновой. «Советский писатель», «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1936.

«Баратынский. Стихотворения. Редакция, статья и прим. И. Медведевой». М. «Гос. изд. худ. лит.», 1945.

Основными изданиями писем Баратынского, помимо указанного выше издания его сочинений, 1884 г., являются:

«Татевский сборник С. А. Рачинского». Спб., 1899. Вошло 52 письма Баратынского к И. В. Киреевскому.

«Е. А. Баратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских. С введением и примечаниями Ю. Верховского». Петроград, 1916. Вошло 49 писем поэта на французском языке к родным.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. А. Баратынский. <i>Статья Е. Купреяновой</i>	V
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1819—1834

К Креницину	3
Финляндия	5
Разлука	8
Ропот	9
Послание к барону Дельвигу	10
К Кюхельбекеру	13
Коншину («Поверь, мой милый друг»)	14
Эпиграмма («Поэт Писцов»)	16
Девушке, которая на вопрос...	17
К... («Приятель строгий»)	18
Рим	20
Водопад	21
Отъезд	22
Уньини	24
Разуверение	25
Родина	26
Коншину («Пора покинуть, милый друг»)	29

Дельвигу («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти»)	31
В альбом («Вы слишком многими любимы»)	33
Поцелуй	34
Возвращение	35
Делии	36
Дельвигу («Дай руку мне, товарищ») .	38
Лутковскому	40
Эпилог	42
Размолвка	43
Признание	44
Падение листьев	46
Лета	48
Две доли	49
Безнадежность	51
Н. И. Гнедичу	52
Песня («Когда взойдет»)	56
Звезда	58
Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры	60
Оправдание	64
Буря	66
Череп	68
Истина	70
Любовь	73
К... («Мне с упоением заметным») . .	74
Богдановичу	76
«О своенравная София!»	81
К... («Как много ты»)	83
«Отчизны враг, слуга царя»	84

Надпись	85
Стансы («В глуши лесов счастлив один»)	86
К жестокой	88
Девушке, имя которой было Аврора	89
Веселье и горе	90
Д. Давыдову	91
Ожидание	92
Эпиграмма («Не трогайте парнасского пера»)	93
Дорога жизни	94
К Амуру	95
Наяда	96
А. А. Воейковой	97
В альбом («Перелетай к веселью»)	98
К... («Не бойся едких осуждений»)	99
Эпиграмма («Идиллик новый на искус»)	100
Эпиграмма («Как сладить с глупостью глушца»)	101
Эпиграмма («И ты поэт»)	102
Стансы («Судьбой наложенные цепи»)	103
Последняя смерть	105
При посылке «Бала»	109
Смерть	110
К З. А. Волконской	112
В альбом («Альбом походит на клад- бище»)	114
Из А. Шенье	115
«Мой дар убог и голос мой не громок»	116
Деревня	117
«Глупцы не чужды вдохновенья»	118
Старик	119

«Как ревностно ты сам себя дурачишь!»	120
«Старательно мы наблюдаем свет»	121
«Не подражай: своеобразен гений»	122
Муза	123
Эпиграмма («Что пользы вам»)	124
Историческая эпиграмма	125
Эпиграмма («Поверьте мне, — Фигля- рин-моралист»)	126
К. А. Свербеевой	127
Подражателям	128
«Чудный град порой сольется»	130
Фея	131
Эпиграмма («Он вам знаком»)	132
Эпиграмма («В восторженном невеже- стве своем»)	133
Мой Элизий	134
Языкову	135
«Бывало, отрок, звонким кликом»	137
«В дни безграничных увлечений»	138
На смерть Гете	139
Запустение	141
«Болящий дух врачует песнопенье»	144
«Наслаждайтесь: всё проходит»	145
«К чему невольнику»	146
«Когда исчезнет омраченье»	147
«О, верь: ты, нежная»	148
«Я не любил ее»	149
«О мысль, тебе удел цветка»	150
«Где сладкий шопот»	151
«Сердечным нежным языком»	153

«Своенравное прозвание»	154
«Вот верный список впечатлений»	155

СУМЕРКИ
(1834—1841)

Князю Петру Андреевичу Вяземскому	159
Последний поэт	161
«Предрассудок! он обломок»	164
Новинское. А. С. Пушкину	165
Приметы	166
«Всегда и в пурпуре и злате»	168
Недоносок	169
Алкивиад	172
Ропот	173
Мудрецу	174
«Филида с каждою зимою»	175
Бокал	176
«Были бури, непогоды»	178
«На что вы, дни! Юдольный мир явленья»	179
Ахилл	180
«Сначала мысль, воплощена»	181
«Еще как патриарх не древен я»	182
«Толпе тревожный день приветен»	183
«Здравствуй, отрок сладкогласной!»	184
«Что за звуки? мимоходом»	185
«Всё мысль, да мысль»	187
Скульптор	188
Осень	189
«Благословен святое возвестивший!»	196
Рифма	197

СТУХОТВОРЕНИЯ

1840—1844

«На всё свой ход»	201
Обеды	202
«Спасибо злобе хлопотливой»	203
Коттерини	204
«Люблю я вас, богиня пенья!»	205
На посев леса	206
«Когда, дитя и страсти и сомненья».	208
Пироскаф	209
Дядьке-итальянцу	211

ПОЭМЫ

Пиры	219
Эда	227
Бал	251
Примечания	273
Список основных изданий сочинений Е. Баратынского	288

Редактор Г. Гуковский

*Технический редактор А. Кирнарская.
Художник Л. Хижинский. М 06307. Под-
писано к печати 22/VII 1948 г. Печ. л. 4³/₈.
А. л. 11,88. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 20 000.
Цена 8 р 75 к. Заказ 1622. Типография
№ 3 Управления издательств и по-
лиграфии Исполкома Ленгорсовета*

СПИСОК ОПЕЧАТОК

<i>Стр.</i>	<i>Стро- ка</i>	<i>Напеча- но</i>	<i>Следует читать</i>
XXVIII	12 стр.	эффектив- ности	эффект- ности
XXXI	8 стр.	Соединяли	Соединили
34	1 "	поцелуй	поцелуй
52	8 "	где финну	где финну нишу.
189	3 "	вот	И вот

Баратынский

